

Николас Сифорт возвращается в звездный флот

НАДЕЖДА ПАТРИАРХА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

ДЭВИД ФАЙНТОК

military science fiction

Путешествия Николаса Сифорта

Дэвид Файнток

Надежда патриарха

Файнток Д.

Надежда патриарха / Д. Файнток — — (Путешествия Николаса Сифорта)

Мятеж военных на борту звездного корабля «Галактика» грозит перерасти в глобальный конфликт. Николас Сифорт вступает в сложную политическую игру, от исхода которой зависит будущее планеты.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	20
3	38
4	60
5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дэвид Файнток

Надежда патриарха

Часть первая

Июль, год 2241-й от Рождества Христова

1

– ...И вот «Галактика» перед нами. Это совершеннейший из когда-либо строившихся космических кораблей – поистине венец межзвездных устремлений человечества. И мы собрались здесь, чтобы...

Я осторожно устроил поудобнее свою больную ногу. Привлекать внимание направленных на трибуну голографокамер не хотелось. Прямо передо мной была широкая спина адмирала Дубровика. За ним виднелись лица собравшихся на церемонию лондонцев. Слева от меня лучезарно улыбался Дерек Кэрр.

Да уймется ли наконец этот старый Дубровик? Как Генсек ООН и номинальный Главнокомандующий Вооруженными Силами Объединенных Наций я был выше его по званию. Например, мог запросто зажечь красный свет перед его кандидатами на отправку в Лунаполис. Впрочем, я и так в последние годы многовато путался под ногами у Военно-Космических Сил ООН и в эти дни старался держать себя в узде – без нужды никуда свой нос не совать. И все же в толпе высокопоставленных шишек и чинуш, терпеливо внимавших адмиралу, находилось немало и достойных офицеров. Они заслуживали продвижения по службе, причем благодаря их личным качествам, а не связям в верхних эшелонах власти.

Среди военных в однообразной синеватой униформе и гражданских в накрахмаленных белых рубашках было и несколько обозленных патриотов нашей праматери-Земли. Им не нравились недавно добившиеся независимости колонии у далеких звезд. Раздосадованные, эти деятели считали, что я смотрю на происходящее сквозь пальцы. Среди этих недовольных могло оказаться и несколько откровенных фанатиков, хотя в целом такие упертые личности для ВКС являлись большой редкостью. Без всякого сомнения, здесь было немало и тех, кому все на свете, что называется, по барабану. Лишь бы никто не угрожал отнять у них насиженные теплые местечки.

– ...не далее как 250 лет назад человечество совершило первый дерзкий прыжок в космос, и сколько с тех пор ярчайших личностей, сколько различных организаций участвовали в осуществлении важных проектов, служащих интересам всего нашего общества!

Еще бы они не участвовали, подумалось мне, – при таких-то баснословных прибылях! А вот постройка «Галактики» была ошибкой. Я попросту не смог устоять перед безграничным энтузиазмом Адмиралтейства. К тому же сенатор Боланд вместе с Земельной партией – нашей оппозицией в Генеральной Ассамблее ООН – пообещали дать «добро» бюджету ВКС в обмен на выгодные строительные контракты для своих людей. Требовались же нам корабли альфа-класса, вроде первого – «Гибернии», – на котором я летал командиром. А неуклюжие и дорогие гиппопотамы вроде «Галактики» нам были ни к чему.

Через голову моей жены Арлины я криво усмехнулся старому другу Джеффу Торну, который разделял мои дурные предчувствия.

Да, «Галактика» вкупе с «Олимпиадой» и их стоявшими на стапелях сестричками помогли бы заселять новые колонии, но ведь человечество осваивало дальние планеты уже без

малого двести лет, и все они нуждались в помощи. А я сомневался, что милой сердцу Дерек Кэрра колонии на планете Надежда поможет отправка туда такого гиганта, как «Галактика».

Я взглянул на огромный голографический экран, едва ли не весь занимаемый кораблем непомерно больших размеров. Сверкая огнями, «Галактика» плыла высоко над нами и уже отделилась от орбитальной станции, близ которой и обретали крылья Военно-Космические Силы.

Я покачал головой. После давней неудачи с «Веллингтоном» нечего было и думать о такой приемке кораблей и собирать по этому случаю толпы народа. Тогда же, после нападения космической рыбы, мы едва ноги унесли. Теперь и в помине не было тех космических пришельцев, они стали жертвами «кошачьих концертов» – изобретенных мною станций-приманок. Зато с тех пор темными ночами мне нередко слышался укоряющий глас Господа, и я думал – не добавить ли к длинному перечню моих грехов еще и геноцид.

– ...Разве мог даже Генсек Сифорт вообразить двенадцать лет назад, когда начинался второй срок его пребывания в этой должности, когда мир сотрясали бунты беспризорников и человечество еще не оправилось от атак ужасающих космических рыб, борьбе с которыми он отдал столько сил...

Мое дыхание перешло на сип. Супруга предостерегающе ухватила меня своими длинными пальцами за локоть.

Я хмуро взглянул на нее:

– Лизоблюд несчастный! А ты слышал, что... Жена наклонилась ко мне. По лицу Арлины скользнула улыбка, и, казалось, морщинки вокруг ее, все еще ярких, голубых глаз расправились:

– Сожми губы, Ник, по ним все можно прочесть.

– Ради бога, пускай читают. Я... – До меня внезапно дошло, что я делаю. Я прикусил язык и принял благопристойный вид.

Слева от меня кто-то кашлянул – может, это был смешок. Я стрельнул глазами в Дерек Кэрра. Мой стальной взгляд испепелил бы его, будь он гардемарин, но, к сожалению, эти времена миновали несколько десятилетий назад. У моего старого друга тоже был пронзающий, как лазер, взгляд. Обзавелся он им, когда стал первым лицом на планете Надежда, и теперь мне не удалось вывести его из равновесия.

– ...С ее необъятными грузовыми трюмами, с экипажем в восемьсот человек, берущая на борт три тысячи пассажиров, «Галактика» будет утверждать власть Объединенных Наций и достойно представлять их в разбросанных на просторах Вселенной колониях и в самых дальних уголках...

Дерек наклонился ко мне:

– Его несет и несет.

Я повернулся к Джеффу Торну и шепнул ему:

– Слыхал? Политику теперь делают болваны. И правда «утверждают власть Объединенных Наций». Как будто нам сейчас без военных кораблей не поладить с собственными доминионами.

– С некоторыми можно и поладить. – Он поднял руку, чтобы предупредить мои возражения. – Думаю, Дубровик на этих делах собаку съел.

– ...Итак, по случаю приемки космического корабля «Галактика» я имею честь представить его превосходительство Николаса Эвина Сифорта, Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. – Повернувшись ко мне, адмирал расплылся в улыбке, словно малыш, ждущий родительской похвалы.

Послышались одобрительные аплодисменты. Они волной прокатились по залу, кондиционеры в котором этим жарким днем лондонского лета работали на полную мощь.

Я взялся за трость с серебряным набалдашником и с ее помощью поднялся со своего стула, устало и вместе с тем заговорщицки подмигнул Арлине.

– Ну что, отправить Дубровика в отставку прямо сейчас? – проговорил я полушутя, полу-серьезно.

Ее губы слегка шевельнулись:

– Конечно, дорогой. Земельщикам на следующих выборах только и не хватает кандидата-мученика.

Я вздохнул и заковылял к ожидавшим меня микрофонам.

– Садимся, – сказал в ларингофоны Марк Тилниц, начальник моей службы безопасности.

Наш вертолет сел точно в центре креста на посадочной площадке Академии Военно-Космических Сил в Девоне.

Тилниц был сотрудником следственного отдела ООН. Генерал Доннер прибыл из Генерального Штаба Вооруженных Сил ООН, Карен Варне – из флотской разведки, другие секретные агенты – из нью-йоркской полиции. Странная система, но благодаря ей к охране Генсека ООН могли приложить руку разные службы, соперничество между которыми ко всему этому и привело, а ни о какой преторианской страже не могло быть и речи.

Под унылым девонским солнцем я стал сходить по трапу. Охранник был весь ожидание, он парил где-то рядом с моей рукой, готовый в любую секунду меня подхватить.

– Что, выгляжу таким немощным? – едко осведомился я. Возможный его ответ меня, пожалуй, немного страшил. – Дай-ка я сам. Арлина? Я здесь. – Я протянул руку.

Выбравшись из входного люка, она начала осторожно спускаться по ступенькам.

– Что-то случилось, Ники? Ты в последнее время не в себе.

– Ничего, все в порядке. – У меня заболело колено. – Ненавижу эти публичные церемонии.

Я сделал над собой усилие и улыбнулся начальнику Академии Хазену, спешившему нас поприветствовать. Вертолеты и реактивные самолеты, которые обеспечивали нам то ли эскорт, то ли защиту, наконец растворились в небе.

Вообще-то охрана сопровождала меня повсюду. Но уже в первый срок моего пребывания на посту Генсека ООН я запретил охранять меня в Академии ВКС и на земных базах Военно-Космических Сил. Я бы ни при каких обстоятельствах не позволил Тилницу и его разношерстной команде подумать, что нуждаюсь в защите от Военно-Космических Сил, служба в которых была еще так свежа в моей памяти. По территории Академии я собирался ходить безо всякой охраны, если не считать начальника заведения и его подчиненных. Помимо всего прочего, Академия отнюдь не являлась лагерем, вход в который распахивался перед любым желающим.

Я осмотрелся. Территорию Академии окружал высокий металлический забор с контрольно-пропускным пунктом. Кадеты и служащие, как всегда, ухаживали за тутовыми деревьями и можжевельником. Высокие клены отбрасывали густую тень.

Когда-то девонская Академия была построена далеко от города, но магазинчики и пабы сами скакнули поближе и теперь всегда были к ее услугам. В то же время ее здания стояли довольно далеко от забора, среди густой растительности, и это давало хоть какое-то ощущение отторженности.

Мы с Арлиной едва улизнули с грандиозного приема, последовавшего за тем, как я благословил «Галактику», и у меня все еще болели челюсти от лучезарной улыбки, которую мне приходилось там носить на лице. Правда, стоя среди приветствовавших меня чиновников, я сумел перекинуться парой слов с Дерексом Кэрром, пока он не успел выйти и вновь присоединиться к торговой делегации планеты Надежда. Я собирался повидать его еще разок, когда вернусь в окрестности Вашингтона.

– Рад приветствовать вас, господин Генеральный секретарь, – приблизился к нам Хазен. Лицо у него было с красными прожилками, из-под синей флотской униформы выпирало

брюшко, в волосах заметно пробивалась седина. Тем не менее он силился выглядеть значительным.

Я отсалютовал ему в ответ:

– Взаимно.

На сердце у меня чуть-чуть потеплело. Все-таки Девон был моим домом. Но тут же я нахмурился: был моим домом, пока я, после моего предательства, не потерял на него все права. Я поспешил сосредоточиться на чем-нибудь другом. Следовало мне раньше думать, когда я совершал свои проступки. А теперь только Господь Бог мог меня простить, и то не обязательно.

Пока мы шли по такой знакомой мне дорожке к зданию администрации, я критически осматривал начальника Академии, которого до того видел лишь однажды, на одном из приемов. Несмотря на то что вся моя жизнь была посвящена ВКС, я никогда не мог и мечтать, чтобы запретить Адмиралтейству назначить начальника, которого я толком не знал. Со времен восстания беспризорников я больше занимался гражданскими делами и укреплением нашей экономики.

Я откашлялся:

– Вы знакомы с миссис Сифорт, я полагаю? – Арлине были хорошо известны мои привычки, и, пока я размышлял, она неплохо поддерживала разговор. Бывший офицер, жена знала Академию не хуже меня.

Мы медленно шли мимо владений начальника Академии, где когда-то находился мой кабинет, и вдоль казарм, которые в кадетские годы были моим домом.

Мои помощники успели предупредить начальника Академии о пожеланиях Генсека, и он не стал нарушать привычный распорядок жизни кадетов и отрывать их от занятий ради встречи высокого гостя. Так или иначе, во дворе было почти безлюдно. Обычно здесь сновали туда-сюда толпы кадетов, выполняя какие-то поручения или, в качестве наказания, тщательнейшим образом выстригая газоны.

Хазен словно прочитал мои мысли:

– Я отменил все работы во дворе, господин Генеральный секретарь. – Он поднял глаза к небу. – Прошу прощения, надо было мне поставить тенты для защиты от солнца.

– Мне никакие навесы не нужны, – презрительно усмехнулся я, но тем не менее ускорил шаг.

– До конца недели у нас радиационное предупреждение, несмотря на защитные рассеиватели. Если гамма-излучение будет выше нормы, я отправлю большинство наших красавчиков на Фарсайд.

Корпуса Лунной Академии находились на обратной стороне спутника Земли. В этих муравейниках наши кадеты проходили практику.

– Чем позже – тем лучше.

– Они тоже так говорят, – пожал плечами он. – А вас-то в свое время разве держали здесь взаперти, в четырех стенах?

– Это было полстолетия назад. – Я принял серьезный вид. – Сейчас совсем другие времена. – К моему облегчению, мы подошли к дому начальника Академии. У меня буквально ноги подкашивались, к тому же Арлине было вредно находиться под таким палящим солнцем.

– А как тут Гирсон? – Я воззрился на воина через большой стол из красного дерева.

Сержант М'бово сказал, что мальчишка у себя в казарме.

– С ним все в порядке, настоящий трудяга, сэр. Все еще горит желанием попасть в этот Космофлот.

«Кадет весь отдает себя Космическому Флоту», – любили повторять в Академии. И эти некогда высокопарные словечки постепенно ужались до пренебрежительного «Космофлот».

– Ему ведь только пятнадцать. – Голос Арлины исполнился нежности. Сам я порой жестковато держался с курсантами-салагами, а ей всегда хотелось быть с ними более мягкой. На

нашего сына, Филипа, она оказывала даже большее влияние, чем я. Конечно, став юношей, и он понял, что терпение Арлины имеет свои пределы. И переходить их не следовало – иначе оставалось уповать лишь на Господа Бога.

Не так давно, когда Филип подросток, мы с Арлиной серьезно задумались о том, не завести ли нам еще детей. Но все эти мои хлопоты на службе... Я вздохнул. Все долгое время моего пребывания на высоком посту подчиненные не отходили от меня ни на шаг, словно только я мог дать им верный совет или предостеречь от ошибки. А я в ответ многих из них спровадил на тот свет.

– Господин Генеральный секретарь? – Хазен, с папкой наготове, застыл в ожидании.

Я снова переключился на наше заседание:

– Очень хорошо, посмотрим.

Я положил его папку в стопку «нерешенных» дел. Хотя на столе перед каждым сиденьем помещался дисплей, на флоте чтители традиции. Так, на каждого кандидата в кадеты заводилась старомодная папка с бумагами.

Мой визит в Академию объяснялся двумя причинами. Во-первых, Девон являлся одним из немногих мест – за исключением нашего с Арлиной дома, – где мне не досаждали вездесущие журналисты. Территория этого учебного заведения считалась закрытой, и горько приходилось тому вертолету, который осмеливался туда залететь.

Другой мотив моего посещения Академии был более сложным. Некогда, будучи ее начальником, я отобрал нескольких кадетов для особых заданий. Из этой затеи ничего не вышло, и все они сложили головы во время одной из моих бессмысленных причуд. Однако мои преемники не учли того печального опыта, и традиция продолжалась.

Несколько лет спустя, когда я вернулся к общественной жизни в качестве сенатора, а потом и Генерального секретаря ООН, меня вконец достала пустопорожняя болтовня моих помощников-политиканов, и я стал подыскивать себе адъютантов помоложе. Я набрал свежеспеченных гардемарин, только что выпущенных из Академии, – но, к моей досаде, немного поварившись в политической кухне, они сделались столь же несносными, сколь и их предшественники.

Тогда мне пришло в голову, что надо отбирать их еще в пору учебы в Академии, пока они не стали гардемаринами, и затем – за небольшим исключением – посылать их на годик-другой на космический корабль. Я надеялся, что потом, когда им предложат должности в администрации ООН, они хотя бы будут помнить о флотских традициях и дисциплине. Большинство действительно о них помнили, особенно если не задерживались у меня слишком долго. Мой нынешний адъютант, Чарли Витрек, был хорошим парнем, он мне сразу понравился, но через неделю ему предстояло снова отправиться в полет, и нам требовалось прихватить с собой нескольких гардемарин, которых я отобрал в предыдущие годы.

Вообще-то эта система всегда работала хорошо. Конечно, никому из выделенных кадетов не следовало думать, что они теперь крепкой нитью будут привязаны к Флоту. Незачем было им и слишком рьяно относиться к своим служебным обязанностям на космическом корабле. Для подготовки нужных мне кадетов я нуждался в помощи персонала, и, конечно, содействие мне оказывалось. В Академии тоже хотели, чтобы их любимчики окончательно созревали как молодые гардемарины, а если они не вполне для этого годились – никто не хотел рисковать испортить отношения с Генеральным секретарем ООН.

Ко всему прочему я обнаружил, что моя нынешняя миссия неприятно напоминает финальный отбор – нелегкую работенку по определению среди мириад претендентов именно тех, кто достоин быть принятым в Академию. Когда я стал Генеральным секретарем ООН, мне доставило величайшее удовольствие вернуть ВКС долгожданную привилегию самим отбирать кандидатов для пополнения рядов Космического Флота.

В этот день мы с Хазеном, Арлиной и несколькими сержантами Академии просматривали личные дела кадетов, отбирая из них самых многообещающих юнцов.

У нас с Арлиной за долгие годы сложились хорошие отношения по службе. Она представляла меня на многих заседаниях, на которых иначе пришлось бы париться мне. Здесь, в Академии, ее помощь была особенно ценной, потому что мы оба были некогда кадетами и нас объединяли любовь к Космическому Флоту и знание его обычаев.

Я открыл еще одну папку:

– А как насчет... Внезапно дверь распахнулась.

– Мистер Хазен! – выкрикнул, тяжело дыша, сержант. Рядом с ним стоял рыжеволосый гардемарин.

Хазен привстал со стула:

– Как вы смеете сюда врваться, точно...

– Мы не могли до вас дозвониться, автоответчик твердил: «Просьба не беспокоить». У нас тут, ну... происшествие. Во время одевания скафандров, в проверочной камере... пять кадетов...

Я скривился, вспоминая кадетские годы. Сначала сержант научил нас, как надевать скафандры. Мы снимали и надевали их несколько дней подряд, валяя дурака, когда он за нами не наблюдал. Потом, в один прекрасный день, когда мы облачились в скафандры, он вдруг отправил нас одного за другим в герметичную газовую камеру. Половина из нас вышли оттуда позеленевшими, остальные, видно, еще до этого научились правильно застегивать скафандры.

Пятерым кадетам, глотнувшем газа, угрожало лишь расстройство желудка на день-другой да чувство голода из-за пропущенного обеда. Жестокий урок – но в не прощающем ничего космосе все закончилось бы куда как печальнее.

– Отведи их в лазарет, Грегори. – Хазен бросил на меня извиняющийся взгляд. – Прошу прощения, господин Генеральный секретарь.

– Сэр, двое из них мертвы. Остальные... врачи ими занимаются, но...

– О господи! – произнес я неестественным голосом. Хазен заморгал глазами:

– Невозможно! Как? Почему...

– Не знаю! – сквозь слезы пробормотал Грегори.

Я с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, двинулся к дверям.

– Ник, подожди! – воскликнула Арлина.

Я проигнорировал ее слова. Тяжело опираясь на трость, я прошел через все административное здание, выбрался на послеполуденное солнце и поковылял по дорожке, что вела к учебным и спальным корпусам, а заодно и к находившейся посередине территории Академии камере для обучения надеванию скафандров.

Вмешиваясь в это дело, я вторгся в прерогативы Хазена, но мое потрясение было столь сильным, что я не мог сидеть сложа руки. Кадеты не должны погибать во время тренировок со скафандрами! Тем более в Девоне. Фарсайд – другое дело. У безвоздушного пространства свои законы. Если кто-то из наших подопечных расставался с жизнью, – я глубоко вздохнул, – Академии грозил большой скандал. Значит, кто-то проявил непростительную халатность. А начальнику заведения придется сегодня вечером писать письма, которые наполнят горем чьи-то дома.

Я подошел к учебным корпусам. Рядом со мной шли сержанты, присутствовавшие на нашем собрании, начальник Академии, Арлина, полуживой сержант Грегори и гардемарин, вместе с ним ворвавшийся на заседание.

Хазен набросился на Грегори:

– Доложите подробно!

– Слушаюсь, сэр. Я повел кадетов в тренажер для одевания скафандров в 17–00. Позже, чем обычно, но мы стараемся не держать их без нужды на солнце. – Сержант сделал паузу,

чтобы перевести дух. – Двадцать один кадет. Роббинс был оставлен в казарме. Я видел, как они помогали друг другу надевать скафандры. Все было как всегда, сэр.

– Продолжайте!

Я открыл было рот, чтобы вмешаться, но прикусил язык. За это отвечал Хазен, а не я.

– Потом я послал их внутрь. Гардемарин Ансельм – вот он, здесь – помогал. Емкость с рвотным газом уже была там – камеру сегодня утром использовал сержант Букер. Первые четыре кадета прошли испытание без всяких происшествий.

«...Да где же, к дьяволу, эта камера для проверки скафандров? И подумать не мог, что она так далеко».

Грегори сбавил шаг, принаравливаясь ко мне.

– Кадет Сантини, когда выходила, согнулась пополам. Я помог ей снять шлем и постарался ее успокоить, но мое внимание привлекли кадеты в камере. – Он внезапно замолчал и отвел глаза, словно глядя на нечто ужасное, видимое им одним.

– Я сказал – докладывайте! – рявкнул Хазен.

– Отставить! – громыхнул я. Будь прокляты все эти условности! Все-таки я – Верховный Главнокомандующий и могу делать все по своему усмотрению. Я повернулся к Грегори:

– Вы в порядке, сержант? – Это он отвечал за безопасность кадетов, и один Господь Бог знал, что творилось у него на душе.

– Сэр... – В его глазах, устремленных на меня, была мольба. – И другим кадетам становилось все хуже. Это не их вина, они слишком молоды и не знали, что, надевая скафандр, надо все проверять и перепроверять. Я старался всех их держать в поле зрения. Сантини сняла шлем, и я думал, что у нее все хорошо. Но... – его передернуло, – когда я снова посмотрел на нее, она билась в конвульсиях. Я ничего не мог поделать. Ниче... – Он замолк на полуслове.

Я неуклюже похлопал его по плечу.

Сержант снова заговорил, на этот раз медленнее:

– В камере Форд лежал лицом вниз. Потом упал Эйкен. До меня вдруг дошло, что творится что-то ужасное, и я приказал Ансельму проветрить камеру. Но он то ли не услышал меня, то ли не понял.

Гардемарин шевельнулся, словно собираясь что-то сказать.

Я поднял руку:

– Минутку, мистер... э-э... Ансельм. Продолжайте, сержант.

– К тому времени, как я подбежал к другому входу в камеру и открыл аварийный кислородный баллон, еще двое кадетов упали. Я приказал Ансельму вытащить их – он был в скафандре, а я нет – и Вернулся к Сантини... Она лежала бездыханной. – Грегори с трудом выговаривал слова. – Когда мы вытащили остальных, еще троим стало плохо. Я позвонил в лазарет и доложил обо всем лейтенанту Ле Боу.

Наконец мы достигли камеры для проверки скафандров – приземистого, стального цвета сооружения без окон, располагавшегося за тренировочным центром. Я вспомнил раздевалку с рядами шкафчиков, через которую следовало пройти кадетам. Затем воздушный тамбур на пути к основной камере и переходной шлюз в конце.

И этих цыплят заперли в такой душегубке!

– И вы бросили кадетов там? – спросил я, сам не особенно в это веря.

– Лейтенант Ле Боу приказал мне немедленно доложить вам. – Сержант и правда мог бросить все и побежать докладывать. На Флоте принято выполнять приказы немедленно.

Мое колено нестерпимо болело. Когда мы приблизились к кадетам, которых выворачивало наизнанку, я про себя грязно выругался. Одни плакали, другие молча распластались на траве. Пятеро ребят лежали неподвижными серыми комками, над ними колдовали три фельдшера с походными сумками. Лейтенант наблюдал за всем этим, сложив руки на груди.

Кадет-капрал, увидев нас, дрожащим голосом воскликнул:

– Смирно!
– Оставайтесь на своих местах, – проскрипел я и бросил взгляд на одного из несчастных:
– О господи! – Из рта и из глаз у него текла кровь. – Слушайте, вы, хоть кто-нибудь остался жив?

Фельдшер поднял голову, и взгляд его был зловещим. Он покачал головой.

– Как это произошло? – спросил я.

– Не знаю. – Он устало опустил колени на траву. – Мы опоздали на три минуты. Они умерли. Мы уже ничего не могли поделать.

Я повернулся к М'бово:

– Сержант, проводите кадетов в казармы.

Чем скорее эти ребята покинут место трагедии – тем лучше.

– Разрешите мне с ними пойти, – попросил Грегори. – Это должен сделать я.

– Нет, я хочу, чтобы ты оставался здесь. – Если в гибели кадетов виноват Грегори, то лучше ему держаться подальше от тех, кто остался в живых. – Сержант М'бово, побудьте с ними. Проследите, чтобы в ближайшие три дня их не перегружали работой.

– Слушаюсь, сэр. – Больше ему в ответ на недвусмысленный приказ и сказать было нечего. Хотя я и ходил в гражданском, и не занимал никакого места в военной иерархии, но все ж таки являлся Генеральным секретарем ООН. – Ну, пацаны, марш в казармы. Шире шаг!

Когда они отошли подальше и уже не могли нас слышать, Хазен предложил:

– Надо бы дать им какие-то дополнительные упражнения, чтобы не сидели сложа руки.

Я, в молодые годы, скорее всего, тоже так бы сделал.

– Оставьте их в покое. Им надо пропустить это через себя. – Я повернулся к рыжеволосому гардемарину:

– А теперь хотелось бы услышать вашу версию происшедшего.

Моя жена вздрогнула, но было слишком поздно: я понял, что мои слова прозвучали как обвинение.

Рассказ Ансельма во всех деталях совпал с докладом сержанта.

Арлина пододвинулась поближе и прошептала мне на ухо:

– Ник, позволь Хазену этим заняться. Ты ж ему на пятки наступаешь.

Так и было на самом деле, но меня уже понесло:

– Где баллон с газом?

– Все еще в камере, подсоединен к распылителю.

– Не прикасайтесь к нему! – Я сбавил тон и продолжил нормальным голосом:

– Мистер Хазен, газ необходимо подвергнуть анализу. Пусть три человека отнесут баллон в лабораторию. Пошлите туда Ле Боу. И пускай с ним пойдут три сержанта, которые не имеют отношения к инциденту. Отправьте тела этих несчастных ребят в лазарет, они не должны оставаться здесь. Ну, что стоите и смотрите? Действуйте, да поживее.

– Слушаюсь, сэр, – нетвердым голосом ответил Хазен. Грегори ничего не сказал, но в его глазах застыл немой упрек.

– И проведите вскрытие погибших. Вечером. – Я задумался, что еще нужно сделать. – На территорию Академии никого не впускать. – Если появятся слухи, журналисты возьмут нас в осаду, чтобы нанести Космическому Флоту как можно больший ущерб. Все эти писаки – настоящие вурдалаки. – Грегори, Ансельм, ждите нас в кабинете начальника Академии.

Пока я говорил, Хазен был весь внимание.

– Ле Боу!

Лейтенант подскочил как ужаленный:

– Я, сэр!

– Наденьте скафандр и зайдите в камеру. Проверьте...

– В скафандре нет никакой необходимости, сэр. Камера проветрена.

– Наденьте скафандр, – повторил я ледяным голосом. – Не должно быть никакого риска.

– Слушаюсь, сэр. – Он наконец смутился, хотя это должно было произойти раньше, когда он взялся оспаривать прямой приказ. С другой стороны, как гражданское лицо я не имел права отдавать ему распоряжения.

– Осмотрите там все и доложите по радиии, если что-то окажется не на своем месте. – Как только он повернулся к входу в камеру, я добавил:

– Тщательно застегните скафандр!

Вылазка Ле Боу ничего не принесла. К тому времени, когда он вышел оттуда, и погибших, и полуживых кадетов отнесли в лазарет, и прибыли два сержанта, чтобы сопроводить емкость с газом в лабораторию. Ле Боу на наших глазах отсоединил ее от распылителя. Вопреки здравому смыслу я задержал дыхание и сам ее осмотрел. На емкости имелся обычный фабричный ярлык, рядом – соответствующие предупреждения. Если бы производитель по неосторожности послал нам не ту канистру, я бы наверняка вскоре увидел виновника вздернутым на виселицу. Ничто другое пока в голову не приходило.

Впереди ждало много работы, и я понял, что не могу доверить все это одному Хазену. О чем я жалел – так это о том, что отказался от мобильного телефона. Старая привычка, оставшаяся еще с тех времен, когда сам был начальником Академии. Да и на «Гибернии» я понял, что, если у командира корабля есть мобильник, он не будет знать ни минуты покоя.

– Вы не позвоните Барнстэду? – Я дал Хазену номер руководителя моей администрации. – Скажите ему, чтобы он отменил мой вылет на орбитальную станцию. Я проведу ночь в Девоне.

– Ник, мы должны вернуться домой, – словно извиняясь, напомнила Арлина. – К нам должен прийти Дерек, а завтра прибудет делегация из Комитета спасения Голландии.

– Отставить, Хазен. Дайте я сам с ним поговорю. – Я взял мобильник. – Джеренс? Арлина возвращается домой, я останусь здесь. – Арлина пронзила меня взглядом, полным досады. – Пришлешь корабль завтра. Я скажу когда. Нет, у меня все в порядке. Тут случился небольшой... инцидент. Что? Это меня не волнует, отмени его. На следующей неделе. – Я отключился и крепко обнял жену. – Приготовься к встрече с Дерекком и пообщайся с голландцами вместо меня. Скоро увидимся.

Она обмякла и уткнулась подбородком мне в плечо:

– Ник, эти кадеты...

– Да, я знаю. Ужасно.

– Я имею в виду тех, что выжили.

– Случилось несчастье, Арлина. Мы оба все видели. Им следует...

– Они так переживают, им так плохо.

– Я тут ничего не могу поделать.

– Но ты ведь постарайся, не так ли, Ник? – В ее голосе звучала мольба.

Я отвернулся. Потом наконец сказал:

– Сделаю все, что в моих силах.

Мы с начальником Академии медленно шли в сгущающихся сумерках к его офису.

– Насколько хорошо вы знаете Грегори, мистер Хазен?

– Хороший парень. Даже если он не очень тщательно за всем смотрел, все равно – как он мог предотвратить несчастье? Мы использовали этот рвотный газ много лет.

Моя улыбка больше походила на горькую усмешку:

– Целые поколения.

– Это, безусловно, несчастный случай, господин Генеральный секретарь. Роковое стечение обстоятельств.

– Вы в самом деле так считаете? – Мои сомнения между тем все росли.

Последовала долгая пауза.

– Мне бы хотелось, чтобы все было именно так, – наконец сказал он.

Внезапно он показался мне гораздо более симпатичным.

– Извините. Многовато беру на себя.

– Это ваше право, сэр. Вы – Генеральный секретарь. Я усмехнулся, вспомнив одного адмирала, который когда-то давно попытался командовать моим кораблем.

– Это нисколько не облегчает дело.

– Отнюдь, – возразил он. Его искренность вызывала восхищение. – Вы, кажется, ведь не помните меня?

Я напряг память:

– Припоминаю, что где-то вас видел. Вы были на корабле ВКС «Черчилль». Я прав?

– Я был в казармах Вальдеса. – Он говорил так, как будто не слышал меня. – Когда вы набирали команду. – Он сбавил шаг, и мне стало легче идти, чтобы не отстать. – Сержант Ибарес.

– О! – Как это я позволил ему переменить тему? Я любил Академию, искренне любил. Однако...

– Я был одним из тех немногих отсутствовавших, когда вы забирали кадетов в Фарсайд. Иначе я бы непременно был с вами. Знаю, что вы бы меня взяли. – Его лицо покраснело, и он старательно отводил глаза. – Я неудачно упал – валяли дурака в казармах. Примерно за неделю до атаки космической рыбы. Сломал три ребра. Говорили, что вы были в ярости.

– Это была тяжелая ночь, – безнадежным голосом ответил я. – После захода солнца... Хазен, я каждую ночь всю свою жизнь думаю: что я мог сделать для тех несчастных кадетов? Благодарите судьбу, что вы не были среди них. – Во время последнего нападения пришельцев из космоса я набирал добровольцев, зная, хотя и не говоря им, что посылаю ребят на верную смерть. И теперь-то я с трудом мог об этом говорить. Раньше же многие годы мне это было не под силу.

– Сэр, знаете ли вы, что это такое – быть одним из последних, кто учился под началом Николаса Сифорта? Говорят, вы вызвали кадетов в столовую Фарсайда. – Его глаза смотрели куда-то вдаль, как будто он силился что-то вспомнить. – Вы говорили, что это будет опасно и что вам нужны те, кто готов отправиться на корабли-подрывники. Они все поняли, хотя и были еще совсем мальчишками.

– Мистер Хазен... – Как я мог позволить ему завести этот разговор?..

– В течение многих лет те, кто отказался, перекладывали вину с одного на другого или на вас. Только Боланд и Бранстэд могли гордиться. И еще Тенер. – Жалкие несколько счастличиков, которым удалось выжить и вернуться со мной на родину-Землю. – Когда же все это произошло, я лечился после травмы. – Его голос смягчился. – Я должен был погибнуть – но как я мог этим гордиться? Мы воевали, изредка. Я терял друзей. – Хазен замолк на полуслове и прокашлялся. – Когда меня послали сюда, я никак не мог понять, что это большая честь. Ходить там, где вы ходили, сидеть за вашим столом, командовать людьми, которыми вы...

– Хватит! – Мой крик эхом отозвался в стенах здания.

Он посмотрел на меня, и его взгляд был полон решимости.

– Мне хотелось произвести на вас впечатление. Чтобы вы увидели, что я все держу в своих руках. Вы думаете, я не знаю, каким идиотом выглядел, когда кричал на Грегори? Я едва язык себе не откусил.

– Все в порядке, мистер Хазен. Я бы действовал точно так же.

– Но не перед нашим... – Он пробормотал что-то не вполне интеллигентное.

– Что?

– Идолем. – В его взгляде был вызов, словно на дуэль.

– Господь да хранит нас, – пробормотал я. Мы подошли к лестнице. Я взял спутника за руку и держался за нее, когда мы поднимались. – Черт бы побрал эту ногу.

– Могу я спросить, что с ней, сэр? Я заметил, что несколько лет назад вы стали ходить с тростью.

– Артрит. А после аварии в Хельсинки стало болеть сильнее. – Артрит поддавался лечению, но у меня болезнь зашла слишком далеко. И я свои немощи заслужил.

Хазен остановился у входа в кабинет:

– Вызвать немедленно Грегори и Ансельма или подождем заключения из лаборатории?

– Думаю, надо подождать.

– Могу показать вам помещения для VIP-гостей.

– Я знаю дорогу. Позвоните мне, когда будет готово заключение. – И я поковылял к своим апартаментам.

Там я снял куртку, вымыл лицо и причесался. Бросил взгляд на свое стареющее лицо в зеркале и призадумался. На лбу морщины, а граница волос поднимается все выше и выше. Я не позволял пичкать себя косметическими добавками, хотя все равно поглощал вещества, призванные препятствовать старению. Они содержались в воде для питья.

И все же, даже на седьмом десятке, я еще отнюдь не был стариком. Увеличение продолжительности жизни было главной причиной перенаселенности Земли и истощения всех ее ресурсов. Если б я захотел, у меня впереди была бы еще четверть века активной жизни. А возможно, и больше. В наше время раньше восьмидесяти пяти на пенсию по старости редко кто выходил.

Я провел рукой по следу ужасного шрама, некогда протянувшегося по моей щеке. Много лет назад, по настоянию Адмиралтейства, я позволил его убрать. Дети прятались под столы при моем появлении, и это было невыносимо.

Минуло уже пятьдесят лет с того дня, когда отец доставил меня к воротам Академии, завел внутрь и, не говоря ни слова, оставил там. Военно-Космические Силы были тогда – и оставались по сей день – сокровенной мечтой любого молодого человека. Армия такой популярностью не пользовалась, и там по этому поводу сильно переживали.

Конечно, у ВКС и правда были преимущества, прекрасно известные любому кандидату в офицеры. Открытие в 2046 году N-волн, которые распространялись быстрее света, привело к настоящему перевороту в физике. Спустя немного времени были созданы новые двигатели, и у людей появилась возможность перемещаться по Вселенной со сверхсветовыми скоростями. Но за путешествия к далеким звездам приходилось платить дорогой ценой: страшная онкологическая опухоль меланомы Т поражала тех, кто долго находился рядом с такими двигателями. Это было профессиональное заболевание космических путешественников.

К счастью, N-волны не угрожали молодым людям в течение первых пяти лет после их полового созревания. У них был почти полный иммунитет. Но Космический Флот не мог позволить себе посылать на корабли совершенно необученных детей. Поэтому в космос отправлялись кадеты-тинэйджеры. Так было и со мной. После двух лет пребывания в Академии мне, молодому гардемарину, и моим товарищам была предоставлена возможность сделаться настоящими морскими волками в космическом океане.

Из зеркала на меня глядели грустные, изможденные глаза.

На корабле Военно-Космических Сил «Гиберния» я был гардемаринком и после гибели всех других офицеров взял на себя командование. Позже, на «Дерзком», мне удалось отбить атаки безжалостных космических рыб, которые прилетали из неведомых звездных далей. Мы выжили и вернулись в Солнечную систему, но перед этим я проклял сам себя, потому что во имя спасения корабля мне пришлось стать клятвоотступником.

К крайней моей досаде, журналисты после этого принялись настойчиво делать из меня героя. Наконец Адмиралтейство назначило меня начальником Академии Военно-Космического Флота. И в Фарсайде я пошел на самое большое клятвоотступничество со времен Иуды. Я обманом послал своих кадетов на верную смерть... Мой мобильник запипикал.

– Да?

– Сэр, лаборатория подготовила заключение, – доложил Хазен.

– Так быстро? – Я взглянул на часы. Оказывается, я проторчал перед зеркалом битый час. – Сейчас подойду.

Я пригладил седеющие волосы. Десятилетия назад отец Райсон не дал мне сойти с ума, я нашел приют в монастыре нового бенедиктинского ордена. Я бы до сих пор пребывал там как брат Николас, если б не отчаянные мольбы Эдди Босса, с которым мы служили на одном корабле во время переселения на нем беспризорников. Его друзья подверглись жесткому давлению со стороны местных властей, я не смог Эдди отказать и выступил на их защиту. Покинув приютившую меня обитель, я использовал свой авторитет, чтобы заняться политикой, и стал сначала сенатором от северной Англии, а потом Генеральным секретарем ООН.

Воспоминания нахлынули на меня, и я не мог их остановить.

Несмотря на все мои старания, меня таки втянуло в политические дразги. После лондонского скандала мне пришлось оставить свой пост, и я этому несказанно обрадовался. Однако в 2229 году случилось восстание переселенцев, меня вовлекло в прежний водоворот. Я не имел выбора, потому что пропал мой собственный сын Филип, оказавшийся в самой гуще событий. Его жизнь была ценнее моей, я до сих пор так считаю, несмотря на то, что с ним стало позднее.

Когда восстание подавили, всем стало ясно, как относится Земельная партия к простым городским жителям. Мне же после этого не оставалось ничего другого, как еще раз выдвинуть свою кандидатуру...

Я надел куртку и направился к апартаментам начальника Академии.

– Нервно-паралитический газ. – Хазен направил свой толстый палец на голографический экран. – Смертельный яд.

Ошеломленный, я рухнул в кресло. Нечто подобное можно было подозревать, но, когда я услышал это наяву, у меня буквально подкосились ноги. И все же, словно утопающий, я продолжал цепляться за соломинку.

– Смешанный с рвотным? – Я уставился на экран.

– Нет, сэр. Концентрированный нервно-паралитический газ. Одна такая вот емкость, если ее содержимое будет выпущено, к примеру, в курсантскую столовую, убьет всех находящихся там людей.

– Грегори сказал, что Букер неоднократно раньше использовал такие емкости.

– С его кадетами все в порядке. Я посылаю Ансельма проверить.

– А где изготовлен рвотный газ? – спросил я. Лицо Хазена помрачнело:

– Я позвонил туда, где его делали. Корпорация «Хим-фарм» специализируется на снабжении больниц. Они утверждают, что, даже если бы случилась подобная ошибка, их продукция не убила бы людей так быстро.

– А сама емкость?

– Я уже об этом подумал. Емкости они же и изготавливают.

Наши взгляды встретились.

– Мистер Хазен, вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

– Да, сэр. Это было сделано преднамеренно.

На мгновение воцарилась тишина. Потом я ударил кулаком по столу.

– Этот сержант, который сегодня утром работал с проверочной камерой... Букер, что ли? Отправить его и Грегори на детектор лжи!

– Сэр, мы не можем этого сделать.

– Кадеты погибли!

– Но никаких доказательств нет. Совсем никаких.

– Они оба пользовались этой емкостью. Хазен глубоко вздохнул:

– Данный факт не является доказательством преступления, сэр, и вам это известно!

У меня свело челюсть от такой наглости. Давненько никто так со мной не разговаривал! Но через несколько секунд моя ярость стала стихать.

Он был прав. Законом 2026 года о правдивости показаний подозреваемый был лишен права молчать. При наличии каких-то доказательств его вины он мог быть послан на проверку детектором лжи с применением наркотиков. Если правдивость его показаний подтверждалась, обвинения снимались. Если же он под воздействием сложной наркотической смеси соглашался с предъявленными обвинениями, его признание расценивалось как доказательство.

Однако законодатели постарались не допустить произвольного вмешательства дознавательных органов в сознание подозреваемого, когда его воля подавлена наркотиками. И поэтому для применения такого детектора лжи требовались безусловные доказательства вины человека.

– Прошу прощения, – вздохнул я. – Отправьте Букера в казарму, пока мы здесь со всем этим не разберемся. И вызовите-ка этого гардемарина.

Вдвоем мы допрашивали беднягу Ансельма, пока он весь не взмок, а губы у него не начали дрожать. Постепенно мой пыл поиссаяк. Парень говорил правду: он не замечал ничего необычного, пока кадеты не начали падать, и не было никаких оснований подозревать ни Грегори, ни кого бы то ни было еще.

– Прошу прощения, сэр? – Он обращался к начальнику Академии.

– Да?

– Не могли бы вы пояснить, что все это значит? Мы с Хазеном обменялись удивленными взглядами.

Чтобы гардемарин задавал такие вопросы старшим офицерам? Куда же катится Военно-Космический Флот? Хазен побагровел, и у него перехватило дыхание, но тут вмешался я. Не было никаких причин, чтобы держать этого мальчика в неведении.

– Кадеты погибли не в результате несчастного случая. Это убийство.

– О, нет! – Отчаянный крик Ансельма вырвался, казалось, прямо из его сердца.

– Убийство нервно-паралитическим газом.

– Но почему?

– Нам это неизвестно. – И внезапно я добавил:

– Есть какие-то соображения?

– Боже, это невозможно. Джимми Форд? Сантини? Кому понадобилось их убивать? – Его глаза повлажнели. – Вчера был день рождения Ронни Эйкена.

– Вы не должны никому об этом говорить. Крайне важно, чтобы эта новость не просочилась за пределы Академии. – Во всяком случае, до тех пор, пока мы не узнаем, что тут у нас происходит.

– Слушаюсь, конечно, сэр. Я посмотрел на Хазена:

– Нужны ли специальные меры? – Парня можно было изолировать от остальных гардемарин во избежание распространения слухов.

Хазен, к его чести, отрицательно покачал головой:

– Мистер Ансельм – офицер, и его слова достаточно. Покраснев, я проглотил скрытый за этими словами упрек, понимая, что беспокоиться не о чем. Слово офицера Флота – закон. Вся служба держится на доверии. Как бы я ни был выведен из равновесия видом бездыханных ребят на траве, мне следовало помнить, что я имею дело с нежно любимыми мною Военно-Космическими Силами, а не со сворой беспринципных политиканов. Хазен сжалился над гардемаринами:

– Вы свободны, мистер Ансельм. Тот мгновенно испарился.

Я прокашлялся и сказал:

– Надо допросить сержантов.

– Грегори уже все нам рассказал.

– Тогда надо послушать его еще раз.

Так мы и сделали. Во время своего речитатива сержант Грегори поглядывал на меня со скрытой враждебностью. Но едва ли его можно было в этом винить.

– Как я уже говорил, сэр, у меня нет никаких предположений относительно причин происшествия. Емкость была на своем месте, все было как всегда.

– Не ссорились ли ваши кадеты между собой или с теми, кто живет в других казармах? Он сжал кулаки, чтобы взять себя в руки.

– Мистер Хазен, могу ли я говорить свободно? Начальник Академии кивнул.

– К моим кадетам никто неприязни не испытывал – ни в казарме Крейн, ни в каких-либо других. И даже человек в должности Генерального секретаря ООН вряд ли может нести такую бессмыслицу.

– Сержант! – Начальник Академии был ошарашен.

– С меня достаточно! Можете отдать меня под трибунал, если вам это не нравится! – Грегори замолк, тяжело дыша.

– Мне понятны ваши чувства, – заморгал глазами Хазен, – но господин Генеральный секретарь и я должны выяснить...

В дверь постучали. Вошел гардемарин, вытянулся в струнку и отдал честь:

– Докладывает гардемарин Эндрю Пэйсон, сэр. Сержанта Букера в казарме Вальдеса нет. Кадет-капрал не видел его после ужина.

– Ворота! – рыкнул я Хазену.

Он забегал пальцами по клавиатуре мобильного. Когда соединение установилось, Хазен начал медленно подниматься с кресла.

– Букера видели выходящим сегодня в районе обеда. В бога душу мать, отродье...

– Не богохульствуйте! – взорвался я.

– ...сучье. Подлюга гребаный!

– Хватит! – Я хватил ладонью по столу с такой силой, что рука заныла. – Сержант, мы обязаны принести вам извинения.

– Будь они прокляты – ваши обязанности и ваши права! – Грегори, казалось, вот-вот перескочит через стол. Его смелость вызывала у меня восхищение. Остановить его мог или я, или начальник Академии.

Гардемарин недоуменно вращал глазами и смотрел на нас, как на помешанных.

Запикал мобильник. Глухо выругавшись, Хазен ответил, потом протянул трубку мне.

– Сэр? Это Бранстэд. Вы что-нибудь слышали о Лиге экологического действия?

– Я сейчас занят, Джеренс. Это может подождать? – Но уже говоря это, я понял, что Бранстэд звонит неспроста. Руководитель моей службы никогда не станет меня беспокоить без крайней нужды.

– Мы получили от них сообщение. Они утверждают, что убили в Академии полдюжины кадетов.

Костяшки моих пальцев, сжимавших трубку, побелели.

– Продолжай.

– Пока вы транжирите средства на пустопорожние затеи вроде «Галактики» – это их слова, – а загрязнения все растут, они будут оказывать сопротивление. И на протяжении нескольких страниц в том же духе.

– Вот отродье... – Я попытался привести в порядок разбегающиеся мысли. – Держи это в тайне, сколько возможно. Забери меня отсюда, пока журналоги не разнюхали о моем визите сюда и не осадили Академию.

– Прошу прощения, сэр. Мне переслали копию этого сообщения из корпорации «Весь мир на экране». Они хотят получить от нас комментарий и подтверждение того, что вы находитесь в Девоне. Лига экологического действия утверждает, что приурочила свою акцию к вашему пребыванию там. Их цель – показать, что ни один человек не может чувствовать себя

в безопасности от народного гнева. Вы должны в течение двадцати четырех часов объявить об изменении политики – или они продолжат свои акции, а человеческая жизнь сильно упадет в цене.

Я длинно и витиевато выругался. По завершении этой тирады Бранстэд сказал:

– Я пошлю ваш вертолет.

– Нет. Я должен во всем разобраться. – Я стиснул зубы. Мой визит вызвал гибель ни в чем не повинных кадетов. Теперь моя репутация не стоила и гроша. Но если бы я уехал, это облегчило бы жизнь Академии и Флоту. Раз новость уже стала достоянием гласности, мое присутствие здесь уже не имело значения.

– Я посылаю вертолет. Мне хочется, чтобы Тилниц был рядом с вами. У нашей службы безопасности на эту Лигу ничего нет. Но кто бы это ни были – если они творят свои дела в Академии, вы не в безопасности.

– Нет. Мне это не впервой.

Мгновение я думал, что он примется возражать, но, к моему облегчению, он не стал настаивать на своем. Вместо этого Бранстэд сказал:

– Я позвонил Уинстеду в Совет по защите окружающей среды, но они там тоже в недоумении.

– Да уж, конечно. – У меня были основания для сарказма: этот Совет по охране всегда оставался чистеньким, какие бы помои ни приходилось разгребать другим. – Найдите эту Лигу. Поднимите всех на ноги.

– Я свяжусь с разведкой Флота. Академия на попечении у них. Между прочим, я буду вынужден устроить пресс-конференцию. Как только вы вернетесь.

– Пусть Карлотти этим займется. – Предоставим возможность моему представительному пресс-секретарю отбить атаки стервятников из масс-медиа.

– Прошу прощения, но это слишком серьезное дело. Они будут ждать именно вас.

Я вздохнул.

Тогда тяни время, сколь возможно. – И я закончил разговор.

– Ладно. – Я посмотрел на Грегори. – Вы имеете какое-то отношение к окружающей среде?

– Нет. – Во взгляде Грегори было презрение.

– И я думаю, что нет.

Мобильник снова запыкал. Я едва не грохнул его об пол. Хазен несколько секунд слушал, что ему говорили, затем отключил связь.

– Это из лазарета. Вскрытие подтвердило данные из лаборатории.

Я выругался.

– Отправляйтесь к вашим кадетам в казарму, сержант. Мистер Хазен, прикажите принести досье на Букера, будь он проклят. Пошлите копию Бранстэду. Гардемарин, вы свободны.

Сержант Грегори, выходя, удостоил меня ледяным взглядом. Что ж, неудивительно, несмотря на мои извинения. Поделом – за мои попытки обвинить его в убийстве.

2

Ветер дул пронизывающий, но восходящее солнце согревало и придавало бодрости. На мне были футболка, поношенные рабочие штаны и старенькие ботинки. Я взбежал на холм и тяжело дышал, сердце мое бешено колотилось, и все во мне пело от красоты весеннего уэльского утра. Остаться на ночь у Джейсона отец позволял мне не так уж часто, и я не хотел раздражать его поздним возвращением домой, к нашим повседневным делам.

От дома Джейсона я минут пятнадцать бежал. Наконец обогнул вершину холма. Внизу, подо мной, виднелся наш коттедж – с мощенного камня двора, словно таинственный призрак, поднимался утренний туман. За оградой извивалась дорога, ведущая в Кардифф.

Я остановился, чтобы немного отдышаться, и уперся руками в колени. С западной стороны холм затянулся чертополохом, а на другом склоне росла мягкая травка, низко «подстриженная» соседскими овцами.

Наверное, отец как раз собирается пить чай. Вот-вот взглянет на часы, и его губы неодобительно скривятся.

Я бросился вниз по склону. Земное тяготение и молодая сила ускоряли мои шаги. Я мчался рысью, скоро перешедшей в веселый галоп. Волосы развевались за спиной. Дышалось мне легко. Я был молод, счастлив, доволен самим собой, все мне было по силам...

Я вскрикнул от восторга – и очнулся.

Меня окружали гостевые апартаменты Военно-Космической Академии. Я был в Девоне.

От мальчишки, который скакал вниз по холму, меня отделяла непреодолимая пропасть в пятьдесят лет.

Я вцепился в подушку, словно терпящий кораблекрушение – в спасательный жилет, и меня захлестнула волна столь сильной тоски, что едва ли не возникла угроза переселиться туда, откуда никто и никогда не возвращается.

Когда душевная боль меня наконец отпустила, я был весь мокрый от пота. Поднявшись с кровати и тяжело опираясь на свою трость, я проковылял в ванную. Там долго стоял под теплым душем, с грустью вспоминая об озорном, юном весельчаке, которым я когда-то был.

Было около полудня, все только что пообедали. Сержант Букер как в воду канул. У ворот Академии кишмя кишели папарацци.

Я потягивал кофе, все еще немного раздраженный тем, что тот сладкий сон прервался.

– У вас тут был маньяк-экологист, а вы ничего об этом не знали?

– Нет ничего противозаконного в том, чтобы человек интересовался...

Я хлопнул кулаком по столу, и кофе выплеснулся на досье Букера.

– Одиннадцать лет он этим занимался, и это было для вас тайной за семью печатями?

Хазен и Ле Боу обменялись взглядами.

– Он никак себя не проявлял, господин Генеральный секретарь. Действительно, в его комнатухе нашлось несколько подозрительных статей, но прежде не было никаких свидетельств...

– Бросьте, – махнул рукой я. – Вам ничего не стоило вывести его на чистую воду! Говорят, у сестры Букера после ядовитых выбросов в Гластонбери заболели почки. Его мать умерла два года назад по той же причине. Если и это не давало основания заподозрить в нем фанатика-экологиста...

Хазен тоже повысил тон:

– Мой брат сейчас страдает от меланомы, и мы полагаем, что это вызвано экологическими проблемами в Калифорнии. – Растяпы технари и правда допустили, что над Лос-Анджелесом аж шесть дней висела озоновая дыра, и тысячи людей подверглись облучению. – И что, я после этого террорист? Не хотите ли вы, чтобы и я подал в отставку?

– Конечно, нет... – Я забарабанил пальцами по столу, стараясь вернуть свой голос в рамки допустимого. – Прошу прощения. Наверное, не каждого помешанного на защите природы можно назвать опасным для общества, но... – Нет, можно назвать опасным, сам я это знал точно. Даже мой собственный сын меня предал. Он... я заставил себя об этом сейчас не думать.

Ле Боу бросился на защиту начальника Академии:

– Сэр, потенциально они – большая сила. Больше тридцати «зеленых» выбрано в Генеральную Ассамблею ООН, и один Господь Бог ведает, сколько бы земельных и представителей других партий проголосовали за них, имея свободу выбора. Да, у некоторых из них немного едет крыша, но в целом окружение Уинстеда вполне респектабельно. И нет никаких оснований подозревать...

– Не читайте мне лекций, – вырвалось у меня. Политическая помойка была слишком хорошо мне знакома, и я знал цену ее завсегдатаям.

– Тем не менее, – помрачнел Хазен, – даже если потеря близких столь сильно подействовала на Букера – как он мог убить своих кадетов?

– Не своих, а Грегори.

– Это то же самое. – И правда, сержант-строевик всегда костью ляжет за собственных подчиненных. Многие за своих кадетов головы сложили.

На этой душеспитательной ноте наша беседа и закончилась. Начальник Академии, три лейтенанта и стайка гардемаринов проводили меня к взлетно-посадочной площадке. Я раздраженно ждал, когда лопасти вертолета замедлят вращение. Из него выпрыгнули четыре мрачнолицых секьюрити. Свои пушки они держали наготове, полные решимости защитить меня от любых угроз. Группу возглавлял Марк Тилниц. Из той вереницы секретных агентов, что окружали меня в разные годы моей политической деятельности, с ним мне было легче всего.

Я поправил галстук, в вертолет мне забираться почему-то не хотелось.

– Мы увеличим вдвое свою службу безопасности, – сказал Хазен. – Больше никаких инцидентов не будет.

– Ко всем сторожей не приставишь.

– Будь я проклят, если не сделаю все как надо. – Язык начальника Академии меня несколько беспокоил. В мою бытность гардемаринком не один офицер был наказан за богохульство. Конечно, теперь уважения к церкви стало заметно меньше, и это вызывало у меня большое сожаление.

После Великого Воссоединения Церквей в нашей религии мирно уживались ритуалы протестантов и католиков. Такой союз был бы вряд ли возможен, не опустоши Последняя Война Азию и Африку. А возрождение христианства как в ожившей Европе, так и в Америке привело к съезду церковников, на котором учредили Церковь Воссоединения во главе с Советом патриархов. После того как воители Господа Бога одолели ересь пятидесятников, правительство Организации Объединенных Наций приняло Церковь под свое крыло, и та стала его опорой.

Власть Совета патриархов мало-помалу ослабела, но он и теперь представлял объединенную церковь. Как-то на Совет пригласили меня, и мы прозаседали два дня, но информацию о наших переговорах патриархи предавать гласности не стали.

У нас над головами, в непосредственной близости от запретной для полетов зоны, завис вертолет. На нем были опознавательные знаки «Всемирных новостей».

– Лучше вам поторопиться, сэр. Возможно, у них есть телеобъективы, – сказал Тилниц.

– Конечно. – Но моя нога повисла над ступенькой. – Те кадеты из казармы Крейн... Поделикатнее с ними.

– Непременно, – заверил меня Хазен.

– Они прошли через такое... – Я вздохнул, вспомнив свое глупое обещание Арлине. Кивнул Тилницу:

– Подождите меня здесь. Я скоро вернусь.

Я не позволил начальнику Академии и его офицерам проводить меня до казарм, но Хазен настоял на том, чтобы со мной в качестве помощника отправился Ансельм. Согласиться с этим было легче, чем отказать.

Вскоре я уже стоял возле казармы, тяжело дыша после пешей прогулки. Спальня оказалась такой же, какой и оставалась в моей памяти, – длинная, низкая, отделанная деревом, всего лишь на четыре ступени выше земли. И я когда-то провел здесь два года...

– О, это вы. – На меня из-за двери сердито смотрел сержант Грегори. Ясно, что меня еще не простили.

– Разрешите войти?

– Входите, если нужно. – С явной неохотой он посторонился.

– Что вы им рассказали?

– Что ведется расследование.

В это время прозвенел молодой голос:

– Внимание! Смирно!

Тут же двадцать пять одетых в серое кадетов побросали все дела и построились в шеренгу.

Пять коек были разобраны, и вещи их бывших владельцев лежали стопками на матрасах. Потом близкие друзья несчастных выберут себе что-то на память. А оставшееся будет отправлено безутешным родителям. Так было принято на Флоте.

– Вольно. – Я подождал, пока ребята расслабились. – Я прибыл сюда накануне вчерашней трагедии. И вам, кадетам, необходимо понять...

Да никогда они этого не поймут. Смерть – это что-то, что случается с кем-то другим. Но только не с ними самими.

Сквозь дымку десятилетий ко мне на миг прилетело ощущение собственного бессмертия, которое так меня поддерживало – но лишь до того страшного дня, когда я потерял своего лучшего друга. Джейсон был похоронен в Кардиффе. И прошло много-много лет, прежде чем я решился там побывать.

– Послушай, приятель, – обратился я к кадету-капралу, – как твое имя?

– Дэнил Бевин, сэр. – Почему его фамилия показалась мне такой знакомой? Я постарался напрячь память, но тут же оставил эти тщетные попытки. Ему было не больше четырнадцати. Узнал ли он меня? Нет, кадеты ко всем обращаются «сэр». Ко всему, что движется.

– Я – Генеральный секретарь Сифорт. – Он меня узнал, и у него слегка отвисла челюсть.

– Вы хорошо их знали? – Как же не знать, идиот ты этакий, ведь у них койки были рядом. – То есть, я имею в виду, именно их?

Глаза парня заблестели:

– Джимми... то есть я хочу сказать, кадет Форд, сэр. Мы с ним...

– Кто еще с ними дружил? – Я осмотрелся по сторонам.

– Сантини помогала мне в навигации... – смущенно промолвила одна девочка.

– Мы с Эйкенем были из одной школы... Понемногу, словно смущаясь, кадеты рассказывали о своей дружбе с погибшими.

Мне было трудно подыскать нужные слова.

– Я тут ничего не могу поделать, и Флот тоже – чтобы как-то возместить утрату. Я очень сожалею. – Это прозвучало как-то не так. – Это наша промашка, что мы вас не защитили. От лица Академии я приношу вам свои извинения.

Сержант бросил на меня изумленный взгляд. Мои слова походили на ересь. Кадеты на Флоте были низшими из низших. Никто никогда перед ними не извинялся.

– Сэр? – Это осмелел кадет-капрал. Сержант нахмурился. Кадеты говорят, только когда их спрашивают.

– Да, Бевин?

– Что с ними случилось? Что за смесь там была?

– Мы раскопаем здесь все до самого доньшка, обещаю вам. И когда это будет сделано, все объясним вам, насколько сможем. – Опять прозвучало неладно. Даже больше чем неладно – это была откровенная ложь. Мы уже знали, что произошло. Я тяжело опустился на серое одеяло безукоризненно заправленной койки. – Подойдите-ка все сюда, если вам не трудно. – Я подождал, и кадеты обступили меня полукругом. – Форд, Сантини и остальные были убиты. В камеру впустили нервно-паралитический газ «зеленые». А ваши товарищи были выбраны как символ, понимаете? – Смотреть в их изумленные глаза было непросто, и я дал волю своим растрепанным чувствам. – Фанатики-экологи использовали их, чтобы преподать урок мне. Вот что бывает, если позволять разным диссидентам читать их ядовитые проповеди.

– Бред какой!

Грегори одним прыжком пересек казарму, схватил Бевина за грудки и хорошенько встряхнул:

– Выбирай выражения, ты, молокосос...

– Дайте ему сказать, – глухо произнес я, но мой голос словно резал воздух.

Сержант подтолкнул кадета ко мне. Мальчик споткнулся и, чтобы не упасть, чуть оперся о мои колени. Я вздрогнул:

– Ну?

Бевин глубоко вздохнул и отпрянул назад:

– Это не «зеленые», а террористы. Неужто вы не видите разницы?

– А ты сам «зеленый»?

– Да! Как и мой отец. Вы же не считаете это противозаконным?

– Проклятье! Черт знает что здесь творится! – выругался я. – Мне не о чем с вами говорить.

– Представители Совета по защите окружающей среды выбраны в Генеральную Ассамблею ООН. Люди за них. Нас...

– Всего ничего.

– ...Нам не нужны бомбы или нервно-паралитический газ.

Все стояли, опустив глаза. В казарме повисла тишина. Одетые в серую форму мальчики и девочки и их сержант оцепенели, увидев, как какой-то кадет насккивает на главу всемирного правительства.

Я откашлялся.

– Пятеро ваших товарищей мертвы. Если бы не эти «зеленые»...

– Террористы, сэр!

– Разве вы ничего не понимаете, ребята? Дорогу таким убийцам прокладывают политики – своими сладкими речами да законами, которые принимаются больше для умасливания избирателей, чем для какой-нибудь реальной пользы. – Я сжал кулаки, вспомнив бесконечные дебаты в Сенате, шумные заседания Ассамблеи.

Зализывание ран после войны с космическими рыбами отняло слишком много времени и средств. У нас имелись обязательства перед колониями и перед собственным народом. И мы были не в силах ликвидировать последствия векового пренебрежительного отношения к природе. Земля и климат оставались в руках Божьих. «Зеленые» смещали правительства, требовали все больше денег, разбивали семьи...

– Вы и правда так думаете, сэр? – На лице кадета читалось разочарование. Более того, ощущение предательства.

И весь мой пыл в момент угас.

– Я не знаю, что я думаю. Я просто устал, мне слишком долго пришлось быть Генсеком. – Я оперся на свою трость и начал подниматься. – Я ухожу.

Бевин взглянул на сержанта, повернувшись спиной ко мне:

– Сэр, я очень сожалею, если...

– Поздно извиняться за это. – И я затопал к двери. Снаружи меня ждал гардемарин. Я заметил, что глаза у него покраснели.

– Над чем это вы тут рыдаете?

– Ни над чем, сэр. – Ансельм вытянулся в струнку, старательно подтянул живот.

– Вольно, – рыкнул я. Гардемарин был никак не виноват в безобразном поведении кадета-капрала. Ступая на дорожку, я неимоверным усилием придал своему голосу как можно больше мягкости. – Телесное наказание? – К гардемаринам и кадетам принято было относиться как к джентльменам весьма юным, и они подвергались наказаниям наравне с простыми матросами.

– Никак нет, сэр.

– Что же тогда?

– Всего лишь... – Он сделал глотательное движение. – Вчера я помогал Сантини надевать скафандр. У нее всегда возникали проблемы с застежками. Всегда...

– Вы... были друзьями? – Такие панибратские отношения в Академии не поощрялись, однако я вспомнил одного гардемарина, благодаря которому мне – кадету – служилось легче.

Ансельм подавленно кивнул.

– Что мы делаем, сэр? – В его голосе слышалась мольба.

– Исполняем наши обязанности. Это единственный ответ, который мне известен. – Но я не ограничился словами. Мои руки протянулись вперед помимо моей воли. – Подойди сюда, мальчик. – И я осторожно прижал его рыжую голову к своей груди.

– Это не так... если бы мы...

– Понимаю.

– Она так старалась!

– Они все старались.

Через какое-то время парнишка высвободился, ковырнул носком ботинка землю.

– Она играла моими волосами.

– Весьма смело для кадета. – Мы зашагали вперед.

– Она знала, что ей не о чем беспокоиться. – Он шмыгнул носом. – Видеть ее лежащей там...

– Могу себе это представить.

– Кровь у уголков рта. – Он поежился. – Ну, почему, сэр? Почему ей довелось найти такой конец?

– Не знаю, сынок.

Голос Ансельма был таким тихим, что я его едва слышал.

– Мне так тоскливо без нее.

Мы подошли к дому начальника Академии.

– Сэр? – отдал он честь. – Вертолетная площадка – там. – Дорожка уходила влево.

– Знаю. – И я пошел прямо.

– Куда вы идете?

– Исполнять мои обязанности.

Когда мы приблизились к кованым воротам, я пригладил волосы и поправил галстук.

Впереди хищной стаей стояли репортеры, направляя объективы своих камер через решетчатую ограду. Мое лицо сделалось непроницаемой каменной маской.

– Приземлились, сэр.

Я вздрогнул и глянул через мутное окошко вертолета. Мы сели на бетонную пыльную площадку в моей вашингтонской резиденции.

Вдали за забором колыхались в жарком, влажном июльском воздухе красные клены. Резиденция располагалась неподалеку от старого Вашингтона, за рекой – словно гнездышко,

спрятавшееся посреди холмов Вирджинии от наступающей отовсюду урбанизации. Дом был выстроен в стиле поместий южан перед Гражданской войной. Деньги на этот подарок мне собирали по подписке, когда заканчивалось мое первое хождение во власть.

В доме было семь спален и полно веранд и террас. На участке также располагалось много беседок, увитых плющом флигелей и небольшой коттедж. Все это ограждали высокие каменные стены.

Я как мог отбрыкивался от незаконного подношения, но в конце концов победил здравый смысл Арлины. Дом требовался прежде всего нашему маленькому Филипу: Фити должен был где-то жить, а сбережений у меня оказалось – кот наплакал.

– Ты это заслужил, – убеждала меня Арлина, и в итоге мне пришлось пойти на попятную.

Торчать в Ротонде в Нью-Йорке становилось тошнее день ото дня, и я старался бывать там как можно реже. Конечно, на сессиях Генеральной Ассамблеи надо было присутствовать. Возникали и другие ситуации: например, мое правительство нуждалось в защите от нападков разных выскочек из Земельной партии. Приходилось осаждать и так называемых независимых парламентариев, которые из кожи вон лезли, чтобы устроить какие-то свои делишки. Дай волю всем этим ребятам – и они в два счета проголосуют за вотум недоверия и свалят любое правительство.

Но когда мое присутствие в Нью-Йорке не являлось крайней необходимостью, я работал дома и принимал делегации и всевозможных представителей в своей комфортабельной берлоге. Может, кому-то это было и не по нраву. Но ежели я людям не нравлюсь – пусть выберут другого.

Система выборов у нас получилась сложной донельзя. Члены Ассамблеи выдвигались от регионов, соответственно странам и народам. Они занимали свои кресла 4 года – если правительству не выносился вотум недоверия, если не менялось законодательство или Генеральный секретарь не распускал Сенат и Ассамблею и не назначал новые выборы. С другой стороны, Сенат не мог отправить в отставку правительство, вынеся ему вотум недоверия, но мог бесконечно тянуть волынку с новыми законами. Сенаторов выбирали на шесть лет, и они были настолько независимы, что это противоречило здравому смыслу.

Я протер глаза. Несмотря на все мои привилегии и причитавшиеся мне удобства, межконтинентальное путешествие было утомительным. Во время двухчасового суборбитального перелета из Лондона я немного подремал, но мое стареющее тело все еще требовало отдыха. С легкой тоской я вспомнил тесную униформу, в которую когда-то облачился, получив звание гардемарина, а потом и капитана. Тогда небольшой недосып только бодрил меня – или мне так казалось. Я зевнул:

– Где Арлина?

Марк Тилниц что-то зашептал в свои ларингофоны и закивал головой в знак ответа:

– Наводит порядок после визита голландцев.

Это означало, что она руководит прислугой. Меня бы удар хватил, если б я увидел, как она собственными руками моет стаканы. Мы с ней по горло насытились устройством быта в молодые годы. И все же мы здесь жили и должны были иметь что-то, кроме помещений для официальных встреч и приемов. С готовкой и уходом за садом нам помогали, однако в собственный кабинет я не пускал никого, кроме моего гардемарина. А со своими помощниками из ООН общался посредством мобильного, е-мэйла и факса.

Я поднялся на веранду. Двойные стеклянные двери уютного кабинета манили меня. Я поколебался – и выбрал другой путь, шагнув в освещенную солнцем приемную, где располагался стол моего адъютанта, окруженный голографическими экранами. Мои помощники смотрели на них, комментируя увиденное и услышанное.

– ...как старый лев, встретивший стаю волков. Взгляните на него!

– Да, я отвечаю за свои действия. Отвечаю за мое правительство, за Военно-Космический Флот, за жизни этих бедных кадетов. Я серьезно отношусь к своему долгу.

– Что вы теперь собираетесь делать?

– Отправиться домой и начать расследование этого дела.

– А когда найдете террористов?

– Даст бог, поприсутствую на их казни.

– Да, рыбалка предстоит хорошая.

– Он это и имел в виду. Отменил встречу с Винце Канло.

– Господин Генеральный секретарь, независимые требуют расследовать, как финансировалось строительство «Галактики». Означает ли это сделку между вами и Земельной партией?

– Смотри-смотри! Сейчас он им выдаст!

– В этом вопросе все ясно. И мы, и они согласны, что нам необходим сильный Флот. И финансирование такого строительства – путь к достижению этой цели.

Раздался стон.

– Так и есть! Признал, что здесь имеет место сделка.

– Старики не врут. Даже если этот старик... О! Господин Генеральный секретарь! – Чарли Витрек, мой преданный помощник-гардемарин, вскочил на ноги. Джеренс Бранстэд, руководитель администрации, поднялся чуть медленнее. Повисла неловкая тишина.

– Привет, Джеренс.

Здесь, вдали от вездесущих голографокамер, я ослабил галстук и снял куртку, которую тут же подхватил Чарли.

– Господин Генеральный секретарь, вы будете идти на дальнейшие уступки «зеленым» в результате...

– Это оскорбительный вопрос. Нет и еще раз нет. Мы не будем поддерживать терроризм. Эти люди разоблачили сами себя, они пытаются повернуть время вспять.

Бранстэд одобрительно кивнул в сторону экрана:

– Хорошо сказано.

– Вы поддерживаете призыв рейхсканцлера Мундта к повсеместному пересмотру планов по борьбе с загрязнением окружающей среды?

– Нет. Вопрос будет изучаться снова и снова. Мы делаем все, что можем. Мундт защищает дрезденских производителей чипов – между тем принимаемые нами меры не приведут к закрытию этих заводов...

Мне вспомнилось, что я старался говорить примиренчески. Мундт был супранационалистом, членом моей же правительственной партии, но ему приходилось защищать интересы своей национальной промышленности от разных законодательных ограничений. Временами с ним было трудно сладить. А Уайденер, британский премьер-министр, как раз в это время стал требовать ужесточить природоохранное законодательство. Мне, как Генеральному секретарю, просто надо было держать середину. Экологические проблемы обсуждались столетиями, и я не видел причин рубить сплеча.

– Вызывают ли у вас гораздо большую тревогу трещины в Дамбе Трех Ущелий теперь, когда...

– Выруби это чертову говорилку!

– ...в результате дождей озеро наполнено водой на тридцать процентов выше нормы?

Изображение моего лица на экране погасло.

– Держались что надо, сэр, – изрек Витрек. Он пробежался пальцами по прическе, но, как и обычно, упрямые волосы продолжали торчать как попало. Устроить их как-то по-другому гардемарин не мог.

– Что бы я без тебя делал – без твоего одобрения? – нахмурился я.

Парень усмехнулся, слишком хорошо меня зная, чтобы расстроиться.

- Как только вы смогли стоять рядом с этими стервятниками?
- Зажал нос как следует.

Чарли принес мне кофе – черный и крепкий, как я любил. Гардемарин – не лакей, и с ним не следует обращаться как с лакеем. Однако Витрек непостижимым образом находил способ быть полезным, даже когда его ни о чем не просили. Скучновато будет без него, если он перейдет на другую службу.

Словно прочитав мои мысли, Чарли спросил:

- Вы не нашли мне замену?
- Мы работаем над этим.
- Воображаю, как это сложно.

Промолчи я, на этом дело бы и закончилось, но было видно, что он жаждет довести разговор до конца.

- Продолжай, Чарли.
- Я имею в виду, он должен быть находчивым, искренним, терпеливым, как того требуют его обязанности... – Казалось, он говорил именно то, что думал.
- Да, в последние два года мне этого не доставало. – Конечно, все было не так, но я наслаждался этим спектаклем. – Ничего насчет твоего нового назначения?
- Пока ничего, – скривился он. Конечно, ему ужасно хотелось отправиться на действующий корабль. Я мог бы в два счета решить этот вопрос, но в этом не было необходимости. Наверняка он рассчитывал попасть на «Галактику».

- Что у нас намечается после обеда?

Чарли посмотрел на монитор своего компьютера:

- В пять должен быть мистер Кэрр. Он останется на ночь.
- Отлично. – Несмотря на усталость, мое лицо озарилось улыбкой.

Дерек Кэрр являлся отпрыском древнего рода планеты Надежда. Когда мы встретились на «Гибернии», он летел пассажиром – заносчивым шестнадцатилетним юнцом. После гибели офицеров откликнулся на мой призыв и стал кадетом. Выполнять эту роль ему было трудно, да еще с учетом моей собственной нерешительности и неопытности. Тем не менее при первой возможности я сделал его гардемарином. Мы вместе мотались по этой планете-колонии и по прошествии многих лет остались хорошими друзьями.

– Арлина организует небольшой прием в связи с приездом мистера Кэрра, – осторожно вставил Джеренс Бранстэд.

У меня вырвался стон. Моей жене было прекрасно известно, что роль хозяина дома мне не по нутру. Я мог вести с гостями деловые беседы или обсуждать государственные вопросы – раз уж меня выбрали, жаловаться не приходилось. Но на частных вечеринках я чувствовал себя, словно неуклюжий гардемарин, попавший в компанию капитанов.

- Но приглашен Джефф Торн, – добавил Джеренс.

– О! – Я улыбнулся. Адмирал Торн, мой наставник во время учебы в Академии Флота, был предшественником Бранстэда на посту руководителя администрации Генсека. Сейчас он, выйдя на пенсию, жил в Лондоне.

Я посмотрел на часы:

- Надо бы мне переодеться.

И, держась за перила, я поднялся по лестнице. Предлагали установить лифт – но я не хотел и слышать об этом. Мне и без того уже немало лет, так что нечего изображать старика. А то в следующий раз приставят кого-нибудь ко мне еще и слюни подтирать.

– Говорят, это такая громадина, – произнесла женщина лет тридцати в легком, ярком, розовато-лиловом костюме с аметистовыми браслетами на руках. Я силен был вспомнить ее имя. Мой ищущий взор остановился на Арлине.

– Для сравнения: мой первый корабль, «Гиберния», вмещал сто тридцать пассажиров. «Галактика» – больше трех тысяч.

– Целый город. Ее капитан должен чувствовать себя губернатором колонии.

– Капитан Стангер? – Я лишь однажды его видел. В начале своей службы на Флоте он перелетал из одной колонии в другую, а потом обосновался в штабе Адмиралтейства в Лунаполисе. – Я его как следует и не знаю.

– Почему же вы его назначили?

– Я этого не делал. Я всего лишь Генсек. Улиссеса Стангера на «Галактику» назначали в Адмиралтействе, и я не видел причин это переигрывать. Его выбрали с учетом опыта межзвездных перелетов и отчасти, подозреваю, по политическим соображениям.

Я снова пожалел, что лучшие силы Флота концентрируются на одном корабле. Хотя при этом будет решено много задач. С полными грузовыми отсеками и тщательно отобранными пассажирами, «Галактика» может сразу основать новую колонию. Вооружения на ней достаточно, чтобы подавить любое восстание. Оборудованная двигателями последней модификации, в межзвездном пространстве она развивала весьма недурную скорость, хотя и оставалась заметно медлительнее быстроходных боевых кораблей. Но тут уж ничего было не поделать: эти корабли имели гораздо меньшую массу, и потому на те же перелеты им требовалось на несколько месяцев меньше.

Арлина взяла меня под руку. Ее кремовое платье сидело на ней как нельзя лучше, выгодно подчеркивая мягкие линии плеч.

– Ник готов говорить о своем Флоте бесконечно, – сказала она, увлекая меня за собой. – Позвольте, я с ним пройду, Лоис. – И мы пошли прочь.

– Спасибо, дорогая.

– У тебя был такой потерянный вид.

Она подвела меня к веселой компании, расположившейся у мраморного камина. Это были бизнесмены, надеявшиеся разнюхать что-нибудь полезное для их межзвездной коммерции. Но с ними стояли Дерек Кэрр и Джефф Торн.

Подошел официант с подносом, и я взял бокал искрящегося вина.

– Добрый день, сэр.

– Дерек! – Я широко улыбнулся. Как это похоже на него – именовать меня «сэром» после всех этих лет, когда он был главой правительства, то есть лицом, равным мне по чину. – Твои деловые переговоры идут хорошо?

– Ха, – хмыкнул он. – Кажется, мои земляки успели забыть, чем мы тут занимаемся. – Морщины на его лице стали заметнее. – Мы собираемся ослабить ту железную хватку, которой ты вцепился в перелеты. Вы и сами это знаете.

Только через наши трупы – то есть Флота, мистер Кэрр, – вскинул брови Торн. Впрочем, голос его звучал дружелюбно.

Окружающие наострили уши, и это несколько сбило нас с толку.

– Ты уже сколько лет так угрожаешь, – сказал я Дереку.

Существовали еще частные межпланетные корабли, и их было много. Но только корабли Флота совершали межзвездные перелеты. Отчасти вопрос этот решали деньги, отчасти – политика правительства.

– Я видел вас сегодня по голографовизору, сэр. Держались прекрасно, сэр.

– О, и ты тоже, – простонал я.

– Они до сих пор не могут понять, как вести себя с тем, кто просто стоит перед ними и говорит чистую правду, – усмехнулся он. – Я время от времени тоже пытаюсь так делать. Проблема в том, что наши плантаторы такие хитрюги. Лавировать и изворачиваться у нас – норма жизни.

Я скривился. После той гнусности, которая произошла на Фарсайте, я поклялся никогда больше не лгать, чего бы это ни стоило. И это помогало мне оставаться в здравом уме.

– Ник... – Дерек был одним из тех немногих, кто мог так ко мне обращаться. Его глаза посерьезнели. Я поднял брови. – Эта Лига экологического действия... Насколько это серьезно, по-твоему?

– Они убили наших кадетов! – взорвался Торн.

– Я не это имею в виду. Насколько серьезны их угрозы?

– Пока ничего определенного сказать не могу, – осторожно ответил я. – Мы о них ничего не знаем.

«Пока не знаем», – добавил я мысленно.

– Ты читал их манифест? – Да, во время полета.

– Там больше говорится о «Галактике», чем об окружающей среде. Ты обратил внимание?

– Этот корабль – просто символ, Дерек. Только и всего.

– Не стану пытаться подсказывать, как вам решать ваши проблемы, сэр, но...

– Пожалуйста, подскажи. – К его голосу я прислушивался, что вообще являлось редкостью.

– Я слышал один разговор о «Галактике». И в нем было что-то странное.

– Что же это?

– Как вы сказали, «Галактика» стала символом. Ее или любят, или ненавидят. «Зеленые» все как один причитают, что она дорого обошлась человечеству. На Флоте ее защищают, но «зеленых» презирают и ненавидят так сильно...

Торн тоже решил вставить словечко:

– Ребятишки немного разнервничались и гонят волну. Можно не обращать внимания.

Я кивнул в знак согласия.

Дерек внимательно на меня посмотрел:

– Вы точно так считаете?

– Да. – Голос мой звучал твердо, но в глубине души я не чувствовал уверенности. Господи, и зачем только я дал добро на финансирование этого строительства? Даже если бы «Галактика» не получила строки в бюджете...

– Я рад, что вы ее построили, – просто сказал Дерек. И продолжил с усмешкой:

– Вы увидите, что «Галактика» и «Олимпиада» будут использоваться как извозчики. Транспортники. Наилучшим вариантом для них будет – открывать новые колонии. – Он криво усмехнулся. – А наши соплеменники из далеких планетных систем весьма нуждаются в любых союзниках, которыми мы можем их обеспечить.

Даже будучи шуткой, это меня встревожило.

– Разве планета Надежда нуждается в защите, Дерек?

Между тем мое внимание переключилось на редкую толпу гостей. Мне надо было обойти зал хотя бы для того, чтобы всем сказать «до свиданья».

– Не от вас, сэр. Это само собой разумеется.

Да уж. Во время моего визита в Сентралтаун, тамошнюю столицу, меня возносили как героя, чуть ли не боготворили. Так бы там и оставался всю жизнь.

Дерек задумчиво на меня посмотрел:

– Однако вы не вечно будете Генсеком. И, даже пребывая в этой должности, вы не можете управлять всеми делами с Земли.

Я хмыкнул:

– Я и не управляю Надеждой. – Всем было хорошо известно, что еще юным капитаном я помог Надежде отстоять независимость, когда Флот отказался поддержать ее и отразить атаки внеземных существ.

– Кое-кто жалеет, что вы этим не занимаетесь. О нет, не на Земле. – Он приглушил голос:

– Знаете епископа, которого патриарх послал в Сентралтаун?

– Нет.

Торн потер подбородок:

– Эндори? Это человек Сэйтора, и он консерватор. – Адмирал взял коктейль с подноса проходившего мимо официанта.

– Мы с ним уже с полдюжины раз сталкивались лбами, – сообщил Дерек. – Многовато он на себя берет. Даже угрожает объявить меня незаслуживающим доверия.

У меня перехватило дыхание. От лишения доверия до отлучения от церкви – один маленький шаг. А это уже совсем худо. Ни один человек, думающий о спасении своей души, не станет знаться с политиком, которого церковь лишила доверия. А после отлучения от церкви его будут сторониться даже жена и родные дети.

– Будь осторожен, – сказал я.

– У епископа меньше поддержки, чем он полагает. Сейчас религиозность в людях поослабла. Если заварится серьезная каша, я могу поставить на голосование вопрос об отделении церкви от государства.

– Дерек! – Я был не оскорблен, а просто шокирован. Он клятвенно поднял руку вверх:

– Только если не будет другого выхода. А ты, что, предпочел бы, чтобы я вынюхивал, не воруют ли наши плантаторы зерно?

– Боже упаси. – Я хлебнул из бокала.

– На других планетах дела обстоят неважно. Колонии всем уже поднадоели, и ты не представляешь, как они в нас нуждаются. Цены на поставляемые туда продукты питания и сырье растут как на дрожжах. Скоро торговый баланс будет в нашу пользу. И тебе нужна наша дружба, Ник. А ее не добиться неуклюжими угрозами и давлением.

– Не было ни единого случая, чтобы я...

– Не ты сам, а твое правительство. Правда, тебе не мешало бы почаще бывать в колониях.

– Он не может. – Со старыми привычками тяжело расставаться: Торн бросился на мою защиту. Даже на самом быстроходном корабле до Надежды пришлось бы добираться девять месяцев.

– О чем, по-твоему, мне не докладывают?

– Что касается колоний – то о смертных казнях через повешение, якобы за государственную измену или ересь. – Дерек покачал головой. – А на самом деле – всего лишь за болтовню на политические темы. Никаких революций там нет и быть не может.

– Разберусь с этим.

– Флот, конечно, поддерживает колониальных губернаторов. Кое-кто из наименее выдержанных капитанов настаивает на массовых казнях или бойкоте. В Сенате есть силы, которые хотят отобрать независимость у планеты Дальняя, вернуть ей колониальный статус. Говорят, что...

– Это все пустая болтовня. Я разберусь. – Неандертальцев везде хватает. Их страшат любые перемены.

– Как я уже сказал, тебе не вечно быть Генсеком. – Дерек смерил меня оценивающим взглядом. – Хотя несколько лет у тебя еще осталось.

– Поговорим об этом позже. – Дерек оставался у меня на ночь, как и руководитель моей администрации. С Джепенсом Бранстэдом мы дружили еще с тех давних времен, когда я, совсем юнцом, оказался в Сентралтауне. Званный ужин, по всем признакам, заканчивался. Арлина кидала на меня выразительные, как никогда, взоры. Я направился к дверям, где она стояла, провожая гостей.

– Какое облегчение! – Я стряхнул ботинки и поставил ступни на пуфик.

– Ты ботинки имеешь в виду? – нахмурилась Арлина. Она вытирала стол. – Это же были твои любимые друзья...

– Это был просто прием. – Я махнул рукой в сторону опустевших комнат. Помощники не спеша убирали пустые стаканы и остатки трапезы.

Бранстэд с удобством расположился на софе, Дерек сидел рядом с ним.

– Между прочим, насчет этой пресс-конференции в Девоне...

– Только не сейчас. Пожалуйста!

– ...Когда Винце Канло лезет со своими вопросами, можно просто ответить уклончиво. Не обязательно с ним пикироваться.

– «Мир новостей» нас ненавидит, – с горечью бросил я. – Это марионетки Земельной партии.

– Тем больше причин его не раздражать. Соблюдать определенную дипломатию...

– Это не для Ника. Он никогда таким не был, – хмыкнул Дерек и стрельнул глазами на Бранстэда:

– Ты ведь давно с ним, мог бы и знать.

– А если бы ты увидел, как с ним обращаются, точно с игрушкой?

– Я бы сказал ему правду. – Дерек поджал губы и повернулся ко мне:

– Допускаю, что они оказывают на тебя какое-то давление, Ник. Политика в области охраны окружающей среды определяется не лично тобой.

– Уровень воды в Мировом океане поднялся не по моей указке. – Я старался, чтобы мой голос звучал не слишком угрюмо. – И не я вызвал оползни в Санта-Монике.

Арлина передала поднос с пустыми стаканами официанту и устроилась возле меня на подлокотнике кресла:

– Жалость ко всем нам, моя любовь? – Ее пальцы легли на мой затылок.

– Не совсем так, дорогая... – Я вздохнул. – Не могу же я всем нравиться.

– Ты нравишься мне. – Внезапно ее рот оказался рядом с моим, и она одарила меня долгим поцелуем. – А это все мышиная возня у твоих ног. – Еще один поцелуй. – Ты прекрасно держишься. Твой голос – как глас Бога. Когда Канло поднял вопрос о том, что случилось с Бангладеш...

Я стал терять терпение. Точно так же я себя чувствовал, когда «Весь мир на экране» пытал меня насчет возведения защитной дамбы в Нью-Йорке. Будто они не знали, что их вопросы работают на Лигу экологического действия. Разве могут журналисты поддерживать таких экстремистов?

– Тебе больше делать нечего, как только торчать у экранов голографовидения? – прорычал я.

– Это что-то новенькое, любовь моя. – Арлина пересела ко мне на колени – очаровательная, стройная женщина. Я почувствовал возбуждение.

– Хм. – Я беспомощно огляделся. – Надо помочь навести порядок в доме.

– Он застеснялся, – мягко сказала она Джеренсу, вставая с моих колен. – Или я ему надоела.

– Арлина! – воскликнул я, жалко улыбнувшись.

– Ночью ты должен будешь меня в этом разубедить, – со смешком промолвила она.

Я изо всех сил старался не покраснеть.

Заговорив с Дерексом, я прошелся по комнате. Просто удивительно, как эти ребята умудряются везде устроиться с выпивкой-закусочкой. Как-то однажды я взял фонарик и...

– ...патриархами? – услышал я хвостик какой-то фразы Джеренса, который теперь вежливо дожидался от меня ответа.

– А? – Я вынырнул из своих воспоминаний в настоящее.

– Мы должны подготовить эту встречу, – прозвучало терпеливое объяснение. Он знал меня много лет и поэтому не раздражался.

– А как мы можем это сделать? – Я не мог понять, чего от меня хотят. – Можно использовать бюджетную статью о религиозном образовании. Что там у нас запланировано на следующий год?

– Можно попробовать, но сомнительно, что удастся специально для этого собрать сессию...

– Ники! – Арлина шлепнула меня по плечу. Что-то в ее голосе заставило меня прервать разговор с Дерекком. – Фити пришел. Наш Фити.

Я пристально на нее посмотрел.

– Хочет с тобой поговорить, – продолжила она.

– Нет.

– Пожалуйста, любовь моя.

– Нет. – Я отвернулся, но она схватила меня за руку и дернула. – Не покидай меня, Ник Сифорт!

– Поговори сама со своим сыном.

Дерек как бы между прочим поднялся с кресла и стал перемещаться к выходу. Я жестом остановил его. Он был моим старым другом, и у меня не было от него секретов.

– Ни сегодня, ни когда-либо, Арлина. После Девона...

– Ник, так дальше не может продолжаться. Вы оба – как маленькие дети.

– Не называй меня...

– Он ждет тебя в соседней комнате.

Я посмотрел на Дерекка и Бранстэда, но они молчали.

– Ну?

Дерек пожал плечами:

– Я далек от всего этого...

– Проклятье!

– Давно вы в разладе?

– С год или около того, – пробурчал я. Арлина скрестила руки на груди:

– Почти три.

– И все это время ты чувствуешь себя несчастным, – сказал Дерек.

– Я не из таких. Он сам заслужил...

– Ради бога, Ник! Я знаю тебя сорок лет.

Пришлось мне пойти на попятную:

– Даже если бы мне самому этого захотелось – тут дело в принципе.

– Господин Генеральный секретарь, не будьте задницей. – Сказано было как бы в шутку, но глаза его глядели серьезно.

– Ты сегодня уже второй, кто мне на это намекает. – Долгое мгновение я смотрел на ковер. – Не знаю, надо ли мне его видеть. Это продолжалось так долго, и когда он оставил...

– Привет, па.

Я вздрогнул.

Филип стоял в дверях.

В свои двадцать четыре года он выглядел именно так, как я и хотел. Хорошо сложенный, опрятный, симпатичный – по крайней мере, на мой отцовский взгляд.

– Филип! – Я сделал было движение к своему любимому кожаному креслу, но сесть в него значило продолжить разговор. А мне хотелось совершенно противоположного.

– У тебя все в порядке? – спросил он.

– Ты затем пришел, чтобы это спросить? – Мой голос был предельно жестким.

Дерек с Бранстэдом обменялись взглядами, но ни один не произнес ни слова.

– Нет, сэр. – Руки Филипа принялись нащупывать карманы. – Когда я узнал о происшествии в Академии...

Я ждал молча, никакими поддакиваниями не поддерживая беседу.

Он перевел взгляд на мать:

– Мне лучше уйти?

– Может, будет время... – начал я.

– Ник! – Это встрял Дерек. Я сжал кулаки:

– Говори, зачем пришел.

– Мы ничего не могли с этим поделать, – откровенно сказал Ф. Т. – Клянусь Господом, – Его глаза искали мой взгляд в надежде увидеть в нем прощение.

– Филип, Совет по защите окружающей среды состоит из фанатиков, которые без конца создают нам проблемы. Вы задумали убийство наших кадетов? Нет. Но вы создали ту атмосферу, в которой подобное стало возможным. И это непростительно. – Джеренс открыл рот, чтобы изречь что-то благоразумное, но я остановил его жестом. – Да, вы это сделали, ваш Совет! Ваши постоянные нападки на нашу политику, эти подкопы под нас в Генеральной Ассамблее...

– Па, как вы можете противодействовать нам? Ты знаешь, что произошло в Бангладеш?

– Я был там.

Да, я побывал на крохотных островках, что остались от этой потонувшей в трясине страны.

– А ты знаешь, что творится в Голландии? Или в Луизиане? Что происходит в Микронезии?

– Может, хватит о политике, вы двое? – Дерек стоял, уперев руки в бедра.

Я не обратил на него никакого внимания.

– Филип, потребовались бы усилия многих поколений, чтобы повернуть вспять...

– Не потребовались бы. В нашем Совете провели исследования. Все просчитали. Я сам проверил все цифры, потому что это был мой проект. Через более или менее длительный срок реальная работа по защите окружающей среды на самом деле спасет...

– Через какой это срок? – пристально посмотрел я на него. – Опять же через несколько поколений?

– Замолчите, вы оба! – Дерек каждым своим дюймом в этот момент являл губернатора планеты Надежда.

– Тридцать лет, – упрямо сказал Фити.

– Мы должны платить больше, чем запланировано во всем бюджете этого года. Филип, у нас нет таких денег. – Сколько раз мы еще будем сталкиваться на этой дорожке – мой непримиримый сын и я?

– Уловы рыбы в южной Атлантике опять снизились. Это уже пятое лето...

– А импорт продуктов питания из колоний вырос. Одно уравнивает другое.

Я посмотрел на дверь за его спиной, надеясь, что он поймет намек и уйдет.

– Не хочу при этом присутствовать. – В глазах Дерек сверкнул опасный огонек. – Джеренс, давай оставим этих лунатиков. – Он потянул Бранстэда за рукав. – Ник воображает, что он у себя в Ротонде и спорит с каким-то деятелем Земельной партии. – Он шмыгнул мимо меня. – А ты! – Он остановился на мгновение, чтобы пронзить взглядом Филипа. – На сегодняшний день тебе нечем гордиться. Как ни удивительно, ты ведешь себя как последний болван! – И он вышел.

Бранстэд последовал за ним, пожав мне на прощанье руку.

Воцарилась тишина.

– Что-нибудь еще? – спросил я таким же непреклонным голосом.

– Вспомни, зачем ты пришел, – мягко вступила в разговор Арлина.

Филип собрался с духом:

– Да, сэр, есть кое-что еще.

– Что же?

– Отец, я тебя люблю, – промолвил он неуверенно. Я шагнул к выходу, но мои пальцы соскользнули с дверной ручки, а он подбежал ко мне и схватил меня за руку.

– Отец, умоляю тебя! – Он упал на колени.

– НЕ СМЕЙ ДЕЛАТЬ ЭТОГО! – Я с ужасом обнаружил, что занес над ним кулак. Но вместо удара поднял сына на ноги.

Когда-то, в моей молодости, один человек уже падал передо мной на колени, но я отказался пощадить его. И с тех пор это было для меня нестерпимым.

Я закрыл лицо руками:

– Фити, уйди, прошу тебя.

– Сэр, между нами не должно быть таких отношений.

– Ты сам это сделал. Кто обыскивал мой кабинет? Кто копировал для Земельной партии секретные бумаги, касающиеся экологических вопросов?

– Мне было всего девятнадцать, и я был такой глупый! Они сказали, что это им поможет.

И цинично предали его.

– Ты никогда не был глупым. Сколько раз я просил тебя не связываться с «зелеными» радикалами. Тебе прекрасно известно, какой политический капитал им принесла твоя поддержка. И продолжает приносить!

– Мы не радикалы, – произнес он рассудительно, но тут же сорвался:

– Я так люблю вас, сэр!

Не в силах что-то сказать, я повернулся к двери, изо всех сил сдерживая себя.

– Разве мы не можем снова стать друзьями? Пожалуйста?

– Ну, Ники, разве ты не можешь? – Голос Арлины был исполнен нежности.

Я проглотил комок в горле, чтобы обрести способность говорить:

– Ну, а как Джаред?

– Хорошо, сэр, – бросил Фити. Ему как будто не хотелось об этом говорить. Джаред Тенер когда-то жил с нами, еще мальчишкой, и от него было много неприятностей. Мне он сильно не нравился. А теперь они с Филипом были заодно.

– Все еще намерены породниться?

– Он хочет клонироваться.

– Чьи клетки?

– Мои.

– Дерек так клонировался.

– Я знаю.

Мы задумались. Я глубоко вздохнул:

– Ты порвешь с этими «зелеными» политиками?

С обреченностью во взгляде он взглянул на мать.

– Нет, па, – сказал он твердо.

Казалось, это должно было привести меня в ярость, но почему-то я был рад. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы повернуться и взглянуть в глаза сыну. Отчего-то у меня началась резь в глазах. Проклятые выбросы. И дело не в том, что «зеленые» были правы, просто мы ничего не могли с этим поделать.

Руки Филипа начали теребить рубашку. Он прожег меня взглядом.

– О боже! Я не владею собой. – Это было похоже на безумие, до которого он доводил себя в детстве. Тогда маховик его мыслей раскручивался так, что Фити не мог себя контролировать. Он на мгновение закрыл глаза, стараясь дышать глубже. – Это невыносимо... О тех кадетах, сэр... Клянусь сделать все, что бы вы ни сказали, сэр... Не надо лишать меня свободы...

Господи боже мой, я больше не мог этого выносить.

Его пальцы вцепились в хлопчатую ткань рубахи:

– О, папа, прошу тебя, не плачь! Я распахнул объятия.

Со стоном он упал мне на грудь. Арлина молча вытянулась у двери. Она украдкой вытирала глаза.

Я зевнул. Было уже очень поздно, но я ценил каждую минуту, проведенную с Дерекком. Арлина устроилась рядом и держала меня за руку. Бранстэд был в кабинете, звонил кому-то со своего мобильного. Кэрр расположился на мягком диване.

– Что ж, дело сделано, – сказал он. Я пожал плечами:

– А потом он пошел домой.

После наших пламенных объятий мы с Филипом еще долго проговорили. Но, несмотря на всю чувствительность сцены примирения, три года размолвки сказывались. Так или иначе, мы перешли к политике, и между нами возникла некоторая натянутость. Наконец он ушел, неопределенно пообещав, что скоро навестит меня снова, вместе с Джаредом. К своему стыду, я понял, что был даже рад его уходу.

Арлина стояла, держа в руке рюмку.

– Я рада, что вы помирились.

– А кто сказал, что это так? – Она лишь фыркнула в ответ, и я продолжил недовольным голосом:

– Я вовсе не говорил ему, что был бы счастлив заключить его в свои объятия. Возможно, мой утонченный, высокоинтеллектуальный сын сам об этом догадался.

– Все, что произошло между вами... – Она покачала головой.

Наверное, хреновенько ей было в эти последние годы. Со мной нередко случались приступы ослиного упрямства.

– Прости меня. Я вовсе не хотел вас разлучать. Думать не думал об этом.

– Господи боже мой! Так-таки и не думал? – Арлина посмотрела на меня насмешливо, но ее пальцы сжали мои.

– Я не... Мы с тобой не так уж много говорили о... – Я споткнулся на полуслове.

– С тех пор, как ты закричал на него, тогда, за завтраком.

Я съезжился. Не самые приятные воспоминания. До сих пор я чувствовал, что меня предали.

– И все это время ты переживала...

– Конечно. Я же его мать.

– А я его отец!

– Конечно, любимый. – В ее тоне не было и тени укора.

Я не стал спорить дальше. Арлина всегда делала то, что считала правильным.

Дерек решил напомнить о себе:

– Я рад, что все это кончилось. Ничего, кроме одиночества, ты бы не добился.

– Вы забываетесь, сэр! – холодно произнес я.

– Я забываюсь? – Губернатор федерации народов планеты Надежда, не моргнув глазом, встретил мой взгляд.

Я пожал плечами, чтобы не показать своей досады:

– Если мне понадобится обследование моих переживаний, я найду, куда обратиться за помощью.

– Он тут тебя не обижает? – возник в дверях, закончив свой разговор по мобильнику, Бранстэд.

– Нет, но пытается.

– Хватит на меня наезжать, – неудачно парировал я.

– Ты ведь всегда был одинок, а, Ник? – спокойно сказал Дерек.

Я почувствовал себя неуютно – словно меня прилюдно раздевали.

– Однозначно не скажешь, хотя в какой-то мере – да.

В детстве, живя с отцом в нашем коттедже, я действительно был одинок, если не считать дружбы с Джейсоном. Но тогда я не отдавал себе в этом отчета. Во время службы на Флоте мне как капитану корабля приходилось держать дистанцию с окружающими. Примерно то же было, когда я командовал Академией. Потом монастырь... Я быстро взглянул на склонившуюся ко мне Арлину и добавил:

– Кроме разве что женитьбы.

– Если бы это было так! – Она улыбнулась, желая смягчить горечь этих слов.

– Арлина?

Она тяжело поднялась на ноги и, встав сзади, принялась массировать мне плечи:

– Ты был любящим мужем и внимательным к тому же. Но ничто не могло разрушить стену, которую ты возвел. И виноват в этом твой отец.

– Ну и дела! – Мне оставалось только развести руками. – Что это на вас на всех сегодня нашло? – Я осторожно убрал пальцы Арлины со своих плеч и встал. – Мне надо поработать. В Азии уже утро, Хирото-сан ждет. А я хочу еще позвонить Хазену насчет того сержанта-убийцы. Чарли уже лег спать?

Мы с адъютантом частенько работали ночами. Это было самое спокойное и продуктивное время.

– Витрека через неделю заберут, – напомнил Джеренс.

– Тогда вызови кого-нибудь. У нас куча дел. Я едва не забыл, что надо выбрать нового помощника-гардемарина. Завтра мне надо лететь в Нью-Йорк на Совет патриархов. На следующий день фонд Бона Уолтерса дает банкет на околоземной станции, – В некотором замешательстве я потоптался у двери и наконец пробормотал:

– Дерек, спасибо тебе.

Махнув рукой на прощание, я заковылял в свой кабинет.

В нашем с отцом доме я склонился над столом и, от напряжения высунув язык, корпел над бальзовой моделью корабля ВКС «Стойкий». Мы с Джейсоном купили его, когда ездили на велосипедах в Кардифф, что случалось далеко не часто. Я надеялся собрать модель к следующему приходу друга, чтобы мы вместе могли заняться покраской.

Я силился установить на центральную ось диск третьего уровня. «Стойкий», как и все корабли этой серии, был трехпалубным.

Тогда я и думать не думал увидеть его воочию.

Мне было двенадцать, и я был в отчаянии оттого, что мне придется мариноваться дома еще год, чтобы по возрасту подать прошение о приеме в Академию. В прошлом году, путем жесточайшей экономии, мне удалось скопить денег на руководство Нильсена для успешной сдачи экзаменов в это заведение. Отец же, преодолевая мое упорное сопротивление, заставлял меня заниматься дома математикой.

– Николас, пора спать.

– Да, папа, – Я неохотно отложил модель. Если бы это было только возможно... Я закрыл глаза и уперся лбом в ребристый корпус модели.

Чтобы только увидеть Академию, мне придется пройти через два собеседования и финальный отбор. А перед этим будут тщательно изучены мои характеристики. Каждый год тысячи и тысячи соискателей подают документы, а удача улыбается только пяти сотням.

Я заставил себя расстелить кровать и встал возле нее на колени для молитвы.

– Господи, молю тебя, дай мне возможность попасть на Флот. Клянусь быть достойным этой службы. И я навеки останусь твоим преданным слугой. – Я глубоко вздохнул и искренне повторил:

– Навеки...

– Ник, ты меня ударил.

– А... – Я стал приходить в себя. Арлина легонько шлепнула меня по боку:

– Ты с кем-то дрался, дорогой.
– Извини. – Я повернул голову, делая вид, что засыпаю, но в глазах у меня стояли слезы.
«Осталось ли у меня еще хоть немного времени, Господи? Ты дал мне такой бесценный дар – мою жизнь. А я так бестолково ею распорядился».

3

– Что это там за шум-гам? – Я остановился у выхода из вертолета.

– Демонстранты, сэр, – с неодобрением пояснила Карен Варне, заместитель начальника службы безопасности.

Конечно, участники шествия были мне плохо видны с посадочной площадки. Нашу резиденцию окружала довольно-таки высокая стена. Когда Фити был совсем маленьким, я за него ужасно боялся. Мне казалось, что к нам может залезть какой-нибудь прибабахнутый бунтарь и нанести моему сыну увечье. Хотя и тогда, и сейчас секьюрити бдительно несли свою службу.

– И кто теперь? – Я вытер лицо. Солнце палило нещадно. Лето было жарким как никогда.

– Борцы за независимость Европы собрались за домами, Патриоты Земли – к югу от ворот.

– Много их?

– Не могу точно сказать.

– Давай-ка на них посмотрим.

– Нет, господин Генеральный секретарь! – Не успел я сделать и двух шагов, как Карен схватила меня за руку.

Я легонько стукнул ее своей тростью:

– Отпусти!

– Мистер Сифорт, как, по-вашему, мы должны обеспечивать вашу безопасность?

– Пошли-пошли. Ну, разве убийцы станут торчать здесь в надежде, что я к ним выйду? –

Я упрямо шагнул к воротам.

– Ларри! Изикиел! Будьте наготове! Смотрите, чтобы кто-нибудь не метнул копье!

Весь кипя от злости, я позволил моим нянькам окружить меня на пути к ограде. Крики за оградой на некоторое время затихли.

– Открывайте ворота!

– Господин Генеральный секретарь...

– Делайте, что вам говорят. – Я собственноручно отомкнул запор и тут же оказался в толпе борцов за независимость Европы. На мой взгляд, их явилось сотен пять. Большинство были хорошо одеты. – В чем дело? Чего вы хотите?

– Свободы для...

– Эй, это же Сифорт!

– Не подходите к...

– Восстановите Совет Европы!

– Отойдите в сторону! – крикнула Карен тоном, не терпящим возражений. Я был уже за воротами. Охрана постепенно оттесняла демонстрантов в сторону.

– Тише! – пришлось мне повысить голос. – Как я могу что-то услышать в этом шуме? – Я поднял руку, чтобы заставить их умолкнуть. – Пусть скажет кто-то один. Вы можете немного помолчать? – Толпа понемногу уgomонилась. – Марк, дай-ка мне мегафон.

Из толпы выдвинулся грузный мужчина.

– Я скажу. Мы здесь для того, чтобы...

– Я – Николас Сифорт. Как ваше имя?

– О, Фрэнке. Маури Фрэнке.

– Чего вы хотите? – Я протянул ему микрофон.

– Независимых Европейских Штатов.

– Всех стран?

– Я считаю – всех.

– В Великобритании, согласно недавним опросам общественного мнения, 70 % за простой союз. Во Франции...

– Эти студентишки-интервьюеры могли и приврать. Мы требуем плебисцита! Соотечественники!! Правительство десятилетия скрывает от нас правду. С 2170 года, когда объединились Австрия с Италией, одна администрация задругой...

– О, нет, не надо. – Я отобрал у него мегафон. – Я готов вас выслушать, но только если вы не будете брать приступом мой дом. И если не будете произносить здесь речи. Направьте петицию в мой офис в ООН.

– Мы пытались...

– Гарантирую, что лично вы получите ответ в течение трех дней.

– Мы уже вдосталь наслышались таких обещаний. Все это ложь.

– Клянусь вам. Клянусь именем Господа! – В толпе при этих словах послышались удивленные возгласы. Фрэнке продолжал неистовствовать, но его сторонники поутихли. – Подайте петицию, как только она будет у вас готова. – Я двинулся к Патриотам Земли. – Ну, а вы, ребята, что шумите?

Внизу, под нами, Делавер сменился на Нью-Джерси. Объединенные Нации. Через полчаса можно было бы приводниться на узкой полоске Ист-Ривер. Вашингтон расположен слишком близко к Нью-Йорку, чтобы использовать для перелетов суборбитальные корабли. И мы пользовались древней реактивной техникой, высокоскоростными поездами или вертолетами. Мой самолет был битком набит всякой всячиной, полагавшейся для класса люкс, но я ничем никогда не пользовался. Тем не менее с нами летали всевозможная прислуга, даже буфетчик, многочисленные секьюрити, мой пресс-секретарь, компьютерщики, флотские связисты... Я вздохнул.

Марк Тилниц взял из бара бутылку:

– Вина, сэр? – Из-за шума двигателей ему пришлось повысить голос.

– И прийти на Совет патриархов под градусом? Ты в своем уме?

– Да ничего страшного, господин Генеральный секретарь. Вы же тоже человек.

Нет, я еще не совсем выжил из ума, чтобы свалить такого дурака. На кораблях Флота спиртные напитки, как и наркотики, были строжайше запрещены.

– Так как насчет бургундского? – лстивым голосом продолжал Тилниц.

Возможно, почувствовал, что я не в духе. Он вообще хорошо улавливал мои настроения. Я ничего не сказал и лишь безучастно смотрел в иллюминатор на коричневатые пейзажи внизу.

В кабине сидели два пилота, штурман, оператор боевого радара. В буфете застыли в ожидании два стюарда в униформе, надеявшиеся, что я нажму кнопку вызова и им найдется дело. В салоне Джеренс Бранстэд болтал с несколькими доверенными журналистами. Ближе к хвосту расположились мой пресс-секретарь, камердинер и остальная свита.

– Да это просто смешно, – хлопнул я рукой по подлокотнику кресла. – Семьдесят человек эскорта – чтобы только я долетел до офиса.

– Мы уже пытались поднять этот вопрос, – послушно кивнул Тилниц.

– Поднимите еще раз!

Вместо прямого ответа он вскинул брови:

– Сэр, я думаю, Совет вовсе не склонен с вами ссориться.

– Не объясняй мне очевидного, Тилниц.

– Почему бы и нет?

Я свирепо на него посмотрел, и через мгновение у него задрожали губы.

– Почему ты вообще тут оказался?

– Потому что Джефф Торн на пенсии. – Адмирал Торн, прежний руководитель моей администрации, был моим любимчиком и одним из немногих, кто знал, как я нетерпим к под-

халимажу. И поэтому он обращался со мной невзирая на различия в чинах. И в пору моего второго пребывания в должности Генсека я всецело полагался на его суждения и советы.

Возможно, Марк был прав. Мне и правда не повредило бы немного принять на грудь, чтобы поднять настроение. Когда-то в этом мне хорошо помогал Эдгар Толливер, но тот давно исчез из моей жизни, сначала сделавшись капитаном, а потом уйдя в отставку.

– Карен в большой обиде на вас, – сухо заметил Марк.

– С чего это? – спросил я, хотя прекрасно знал, в чем дело.

– Толпы людей могут быть опасными.

– Я же не тиран. Если люди желают меня убить, я не хочу этому воспрепятствовать. Иначе зачем я вообще занимаю свое кресло?

– Не следует так полагаться на судьбу.

Я промолчал, не вполне уверенный, точно ли выразился.

– Вы их точно напугали, – сбавил тон Тилниц. – Но в чем там было дело?

– Не знаю. Но меня это встревожило. И надо было заставить их немного пошевелить мозгами. Чтобы они увидели во мне человека, а не наряженную Генсеком куклу.

– О, это великий поступок! Сказать свое слово пяти сотням горлопанов – это почти победа над тридцатью миллиардами граждан...

– Довольно, Марк. – Я стукнул по клавишам мобильного. – Мистер Бранстэд, подойдите, пожалуйста.

– Вызывали? – Через мгновение Джеренс стоял рядом с нами в проходе.

– Справся в своем компе, сколько средств было выделено на религиозное образование за последние десять лет.

– Полагаю, что патриархи не поэтому...

– Делай, что сказано!

Джеренс и Тилниц обменялись многозначительными взглядами. Будь у меня револьвер – тут же пристрелил бы их обоих.

Я ковылял по мозаичной дорожке к своему офису. Новый анклав Объединенных Наций – все его звали новым, хотя он находился на этом месте уже лет пятьдесят, – вытянулся вдоль извилистого берега Ист-Ривер от 38-й до 47-й улицы. Здесь располагались офисы сенаторов и членов Ассамблеи, многочисленные комиссии ООН, трибуналы и другие организации, представители прошлых и нынешних колоний.

Многие из них обосновались в двух высотных зданиях, напоминавших архитектурой прежние ооновские дома, давно уже разрушенные. Между ними, окруженная тщательно ухоженными дорожками, располагалась массивная мраморная Ротонда, где помещался секретариат.

– Мы не опоздали? – спросил я, пытаюсь унять одышку.

– У нас еще двадцать минут. – Джеренс посмотрел на свои часы.

– Хм-м.

Я прибавил шаг, игнорируя стреляющую боль в колене. Мои послушные сопровождающие тоже задвигались быстрее. Будь я помоложе, поскакал бы так, что толпа помощников за мной бы не поспевала. Что за абсурд: даже на закрытой территории меня сопровождали двадцать человек! Почему я не отменил все эти глупости еще в первый свой срок на посту Генсека?

Я посмотрел вверх, на административный центр Бона Уолтерса. Там, на крыше, постоянно дежурили снайперы.

Солнце скрылось за колышущейся, как в мираже, башней. Конечно, всемирное правительство с его разбухшим аппаратом не могло в нее вписаться, и в Ротонде находились офисы только глав финансового ведомства, образования, межпланетной торговли и подобных им служб.

В отличие от столиц прежних времен необходимости концентрировать все службы в одном месте не было. Поэтому многочисленные подразделения располагались на всех континентах и связывались меж собой посредством компьютерных сетей. В нью-йоркском анклав ООН работали только шестьдесят тысяч сотрудников. Многие из них трудились в гигантских башнях посреди богатых кварталов Нью-Йорка.

Адмиралтейство, как и во все времена, находилось в Лондоне и было полунезависимым. Земельщики как-то попробовали прибрать его к рукам – только руки коротки у них для этого. Флот поднял на ноги всех политиков и устроил такую бучу, что больше ни одно правительство не предпринимало попыток подмять его под себя.

Мы приблизились ко входу в Ротонду. Внутри ждали патриархи.

Отношения между Объединенными Нациями и Церковью Воссоединения были не радужными. В период Эры Законов, что последовала за Мятёжными веками, Америка и Япония постепенно утратили лидерство. Они лишились возможности управлять миром за счет своей финансовой мощи. ООН стала просто большим всемирным учреждением. И как раз в это время мировой баланс сил был навсегда изменен Последней войной, когда были опустошены Япония, Китай и большая часть Африки.

В то же время чудеса христианского объединения нашли отклик в консервативной Европе. Она сделалась наиболее влиятельным континентом на всей земле. Объединенные Нации теперь осуществляли управление именем Господа и его Церкви. Революции расценивались уже не как государственная измена, а как вероотступничество...

– Не спешите, сэр. Пусть немного подождут. Это вы – глава правительства.

– Надо же соблюдать этикет.

Все-таки они представители Господа Бога. Но по закону I я тоже таковым являюсь. Можно немного сбавить шаг.

Несмотря на общепризнанное положение в обществе, Церковь не имела каких-либо определенных обязанностей или прав, согласно Хартии ООН. Совет патриархов, куда входили члены всех ответвлений христианства, был важным достижением Объединения. Тем не менее управлял он церковью, но не Объединенными Нациями.

Какая судьба могла ждать Генсека, открыто отказавшегося подчиняться церкви? Выражение публичного недоверия, конечно. Но только однажды за всю историю патриархи решились выразить недоверие своему правительству. Да, впрочем, небезызвестный Ван Рурк ничего другого и не заслуживал.

Формальное отлучение от церкви тоже было возможно. В подобном случае человек терял бы право участвовать в обрядах какой-либо церкви, и все бы знали, что Господь отвернулся от него. Общение с ним считалось бы преступлением.

Джеренс небрежно махнул рукой журналистам на лужайке. Я, как обычно, игнорировал направленные на меня голографокамеры и вопросы репортеров. Скоро они и так узнают, зачем я сюда прибыл.

Стиснув зубы, я взбирался по бесчисленным мраморным ступеням к помпезному входу. Для телекамер это было еще то шоу: я чувствовал себя как на ступеньках тягучего эскалатора в подземном тоннеле аэропорта, когда медленно-медленно движешься к ожидающим тебя лифтам. Но Джеренс решительно осаживал любопытных, интересовавшихся моими физическими возможностями. Я шел, держа трость в руке, а он использовал любую возможность, чтобы развеять всякие сомнения относительно моих сил.

Внутри все было отделано мрамором и панелями из красного дерева. На стенах висели портреты давно почивших в бозе общественных деятелей. Никогда я не мог понять, как политик может мечтать о такой славе.

Моя свита послушно следовала за мной, а я ковылял по коридорам к своему кабинету, и мои шаги отдавались гулким эхом в коридорах.

– Пожестче с ними, – прошептал Джеренс Бранстэд и посторонился.

Андерсон, главный церемониймейстер, распахнул двери.

Я встал как вкопанный. Во главе большого овального стола, где я собирался усесться как хозяин, расположился Фрэнсис Сэйтор, первый епископ Протестантской епископальной церкви, нынешний старейшина Совета патриархов. Он сидел, сложив ручки у себя на животе.

Справа и слева от него, поближе к главе стола, пристроились все тринадцать разряженных патриархов. Я предполагал, что здесь будет и председатель их Совета. Но его не оказалось, а значит, Совет собрался не в полном составе.

Одетый с иголки архиепископ Синода методистов кивнул головой. Справа от него восседал епископ Римской католической церкви, облаченный в пурпурно-белую мантию. Слева расположился первый президент Церкви Иисуса Христа и Новых святых в старомодном деловом костюме. Он глядел через полированный стол на своего давнего соперника, президента Реорганизованной церкви Новых святых.

Сэйтор, толстый и бледный, тряхнув своей угольно-черной бородкой, указал мне на стул.

Вместо того чтобы сесть на ближайшее свободное сиденье, я подошел к столу и занял место прямо напротив старейшины. Если они хотели конфронтации, то они ее получают.

– Брат Николас, – медоточивым голосом начал Сэйтор, – давайте помолимся.

Я покорно склонил голову. Конфликт конфликтом, а Господь Бог превыше всего.

После молебна Сэйтор сложил перед собой руки и любезно улыбнулся:

– Благодарим тебя, Николас, за то, что ты присоединился к нам.

Религия – дело серьезное. Когда имеешь дело с Богом, мелочей нет. Но старейшина всегда меня раздражал, и его сегодняшнее поведение не было исключением. Поэтому я сказал:

– Мне это и самому приятно, Фрэнсис.

Как и ожидалось, обращение по имени Сэйтору не понравилось, но он никак этого не показал, только чуть повел бровями:

– У Совета есть некоторые соображения, которыми мы хотели бы поделиться. – Изъяснялся он весьма витиевато.

– Непременно.

– Ваша администрация – и вы сами в первую очередь – выказываете совершенно неоправданную недоброжелательность по отношению к тем, кто мог бы в самом деле защитить одну из самых любимых Господом планет.

У меня челюсть отвисла:

– Вы хотите, чтобы я взял под защиту «зеленых»?

– Сарказм здесь неуместен, – наставительным тоном произнес Сэйтор. – Мы говорим о тех, кто мог бы защитить Землю от опустошения ее же собственными колониями.

Я нахмурился, все еще толком не понимая, куда он клонит.

Стефан Вендрос, патриарх Греческой православной церкви, вступил в разговор на своем ломаном английском:

– Мистер Сифорт, мы потрясены тем, что вы преследуете политические группы, единственной целью которых...

– Какие группы? Говорите яснее.

Сэйтор пожал плечами и обвел глазами своих коллег, словно стремясь подчеркнуть мое упрямство:

– Нет необходимости перечислять их по именам. Ваша политика...

– По отношению к кому? – Меня начинала охватывать ярость.

Старейшина принял грозно-обвиняющий вид:

– Среди прочих – Первый Альянс Землян. Комитет против колониальных расходов. Совет экономистов-реалистов.

Все упомянутые – консерваторы. Нет – реакционеры, которые требовали, чтобы финансирование колоний было полностью прекращено. Почему патриархи взялись их защищать?

– Минутку, подождите. – Я повел плечами, чтобы взять себя в руки. – Патриархи всегда поддерживали колониальную экспансию. По ходу того, как мы распространяем слово Господа нашего по Вселенной...

– Конечно, – вкрадчиво промолвил Сэйтор. – Но времена, когда наши соплеменники на других планетах благодарили нас за то, что мы для них делали, давно канули в прошлое.

– Благодарили? – Дерка хватил бы удар, если бы я повторил ему эту тираду. Несомненно, и другие колониальные правительства испытали бы такое же возмущение. – А вы осознаете, что мы разрушили их экономику, требуя платы за нашу помощь?

Эндрю де Стаут, глава Евангелической лютеранской церкви, пренебрежительно хмыкнул:

– Рыбы, которые на нас нападали, суть орудие сатаны. Было бы целесообразно, чтобы все христианские народы внесли свою лепту в ликвидацию последствий этой агрессии.

– И вы хотите, чтобы я принял крутые меры по отношению к колониям? – Рука моя сжала серебряный набалдашник трости.

Чем была вызвана такая перемена в их политике? Я редко встречался с Советом патриархов, и они, как правило, не вмешивались так грубо в наши дела. Чаще речь шла о религиозном образовании и разных отвратительных явлениях общественной жизни.

– Конечно, нет. – Старейшина выглядел шокированным. – Однако с учетом тех сумм, которые расходуются...

– Наши колонии обеспечивают нас продуктами питания, сырьем, производят...

– ...на гигантские корабли вроде «Галактики», нам надлежит использовать ее соответствующим образом.

Я молчал, не в силах произнести ни слова от удивления. Никогда прежде патриархи не вмешивались в дела Флота.

– В первых полетах, – продолжал Сэйтор, – она просто обязана нести нашу добрую волю и утверждать идею, что потребности Земли должны быть непременно удовлетворены. Помимо всего прочего, мы живем на той самой планете, единственной в известной нам Вселенной, которая была местом временного пребывания Иисуса Христа. – Он наклонился вперед и проникновенно произнес:

– Чудо объединения церквей не должно быть разрушено. В колониях поднимают голову секты, не подчиняющиеся Совету патриархов, а без нашего вмешательства они могут найти пристанище и здесь. Борьба с ними требует средств. А мы не можем рисковать нашими доходами.

Я с трудом сдержался, чтобы не выдать все, что вертелось у меня на языке. Церковь непогрешима, хотя у меня и были кое-какие сомнения относительно личности ее нынешнего старейшины. Но что-то сказать требовалось.

– Я попрошу Адмиралтейство рассмотреть поднятые вами вопросы.

– Настоятельно?

– Я не могу приказывать Адмиралтейству. – Лоб у меня начал покрываться испариной.

– Пробный полет на Белладонну был бы хорошим началом.

Я слотнул. Мы как раз вели переговоры с Белладонной о заключении нового торгового соглашения, собирались увеличить квоты для этой дальней колонии, где добывалась руда, и либерализовать торговлю с ней.

Дело тут было вовсе не в моем великодушии. Сохранить добрые отношения с колониями и пресечь их попытки учредить собственные правительства мы могли, только поддерживая их. А пример к тому дала Надежда: много лет назад я способствовал обретению ею независимости после подавления восстания плантаторов.

Мы не могли допустить новых переворотов – ни из экономических соображений, ни из чисто человеческих. Восстание против ООН было расценено как восстание против Господа Бога. Жертвами сделались миллионы человеческих душ. Понимание того, что я сам проклят, постоянно наполняло мое сердце тоской.

К счастью для Флота, я нашел выход:

– «Галактика» через два месяца отправляется на Константинию. Повезет новую волну колонистов и товары.

– Несколько месяцев задержки делу не повредят, – парировал Сэйтор.

– Откладывать полет на Константинию было бы неразумно, – спокойно возразил я.

– Послушайте, Сифорт. – Теперь тон старейшины был откровенно грубым. – Мы все согласны в одном. – Он обвел рукой своих коллег. – Вы понимаете, что это значит? Представители всех Его церквей действуют по Его воле, и все они придерживаются одного мнения. Мы не сомневаемся, что говорим от имени Господа нашего.

Это было уже предупреждение. Если я брошу вызов Церкви в деле, о котором она говорит от имени Бога, меня могут обвинить в ереси. Маловероятно, я полагаю, но в принципе возможно. Тем не менее я промолчал.

– Давайте откровенно, – продолжил Сэйтор. – Нам уже известно, что земельщики не имеют сомнений относительно того, как утверждать волю нашего Господа.

Да нет, Господь тут ни при чем. Оппозиционная партия видела во Флоте дубину, с помощью которой она могла бороться со своими врагами. Так было всегда. Во время восстания беспризорников правительство земельщиков использовало лазеры Флота для ударов по городским улицам. И теперь оппозиционеры стеной стояли против независимости колоний. Ежели приказать Флоту силой держать колонии в узде, земельщики это с радостью поддержат.

Я колебался, склоняясь все же к тому, чтобы подчиниться. Но перед моим взором возникли идиллические пейзажи Надежды, промелькнули мои знакомые на Дальней. Я не могу позволить этим жадным патриархам поставить с ног на голову всю колониальную политику ООН.

– Я не буду посылать корабли ВКС, чтобы они угрожали гражданам Объединенных Наций, не сделавшим никому ничего дурного.

Пальцы старейшины забарабанили по столу:

– Что ж, воля ваша...

– Брат Николас! – Римский епископ остановил Сэйтора жестом поднятой руки. – Давайте рассмотрим вопрос без лишней суеты. Молю вас, не надо отказываться от жизни в служении Господу из-за такого пустякового дела.

– Мы говорим о больших финансах, ваше святейшество. – Я сунул руку в карман в поисках монетки, но нащупал только кредитную карточку. Я зажал ее двумя пальцами. – Кесарю кесарево, богу богово. Пусть земные дела устраиваются сами собой без нашего вмешательства.

– Это ваша обязанность – вмешиваться. – Отец Николай покачал головой. – Послушайте, Фрэнсис, давайте подождем неделю. Дадим ему время для размышления.

По одутловатому лицу старейшины пробежала тень разочарования.

– Только из уважения к вам, так тому и быть. – Он посмотрел на меня.

Я отбросил в сторону все церемонии:

– Мне не нужна неделя. Пусть кто-нибудь другой пятнает репутацию Флота.

– Тем не менее мы подождем. А сейчас: каково будет дежурное заявление для прессы, когда выйдем отсюда? «Обменялись мнениями»? «Прошла открытая дискуссия»?

– Очень хорошо.

То, что они хотели сказать журналистам, не нуждалось в обсуждении. Вместе со всеми я непроизвольно двинулся к дверям.

Наконец я буду свободен! Столько лет искал возможности сбросить со своих плеч этот груз, эту приевшуюся службу – и теперь все было в моих руках. Но почему же я чувствую не облегчение, а напротив – горестное разочарование?

Потому что горячо любимый мною Флот будет использован на недостойное дело. Два столетия бесстрашные офицеры и матросы бороздили просторы Вселенной, не угрожая колониям, а оберегая их.

С другой стороны, Совет представляет Церковь Воссоединения, а она, в свою очередь, представляет Господа Бога. Кто я такой, чтобы противопоставлять себя Божеству? Я не верил, что патриархи всерьез вознамерились отлучить меня от церкви. Нет, такой угрозы от патриархов не исходило, при всей их велеречивости. Но что тогда имел в виду отец Николай, сказав: «Не надо отказываться от жизни в служении Господу из-за такого пустякового дела»? Отказываться от моей собственной жизни? От моего служения?

Я поджал губы. Если я не смогу согласовать свои дела с церковью, мне надо покинуть так долго занимаемый пост.

Выйдя из офиса, я коротко кивнул Бранстэду и Марку Тилницу. Служба безопасности, как обычно, окружила меня кольцом, и мы двинулись по коридорам к журналистам с голографокамерами, ждущим нас во дворе.

– Что-нибудь не в порядке, сэр? – шепотом спросил Джеренс.

– Позже поговорим. – Патриархи и их свита были рядом.

Моего плеча коснулась чья-то рука. Старейшина Лютеранской церкви тихо сказал:

– Епископу Сэйтору не ниспослан дар изъясняться учтиво, брат Николас, однако слова его требуют внимания. – И этот невысокий седоватый человек в традиционном черном одеянии вытер лицо накрахмаленным носовым платком.

Я прислонился к мраморной колонне, чтобы дать возможность всей процессии проследовать мимо меня.

– Я полон недоумения, ваше преподобие. Отчего это патриархи так забеспокоились по поводу колоний?

Я был готов примерно к такому ответу: земельщики, дескать, уже двенадцать лет не у власти, и потому нашептывают, плетут интриги. А католическая церковь всегда благоволила к Земельной партии.

– Дело тут не только в экономике, – сухо улыбнулся де Стаут. – В колониях слишком много сбившихся с пути истинного людей, и они организуют свои культы.

– А нельзя ли урегулировать эти вопросы в рамках церкви?

Его губы сжались.

– Только если крепко держать в руках колониальные дела. – Он понизил голос. – Объединение церквей – бесценный дар. Если колониальные церкви начнут выдвигать какие-то условия, мы не сможем им противодействовать, и наш союз окажется под угрозой. И мы не смеем пойти на такой риск. Мы должны держать их под жестким контролем, а Флот – это орудие, ниспосланное нам самим Господом. Будьте осторожны, брат Николас. – Его губы растянулись в улыбке, но глаза оставались серьезными. – Демонстративное неповиновение может оказаться для вас крайне опасным.

Предупреждение или угроза? В сущности, какая разница.

Мы подошли к дверям. Повинуясь этикету, я встал рядом со старейшиной Сэйтором, своим присутствием подтверждая те банальности, которые он начал произносить в микрофоны репортеров.

– Надеюсь, это не «Галактика», – сказал Чарли Витрек. Он вставил в голографовизор еще один чип, просмотрел его содержимое. Мы сидели в моих вашингтонских апартаментах и разбирались с захлестывающим нас потоком бумаг.

– Ты, наверное, единственный гардемарин в Военно-Космических Силах, которому не нравится этот корабль. Почему?

– Слишком громадный. Многовато гардемарин. Мне бы там никогда не стать первым. На любом корабле первый гардемарин имел особые привилегии, однако и нес ответственность перед другими. Но старшинство мог получить только тот, кто служил на Флоте дольше других.

Чарли правильно сетовал: на таком корабле, как «Галактика», прошли бы годы, прежде чем он сделался бы первым гардемарин.

– А сколько тебе лет? Восемнадцать?

– В сентябре будет девятнадцать.

Совсем мальчишка по гражданским меркам, но не для гардемарина. Витрек появился у меня лет в четырнадцать, еще будучи кадетом.

Он списал содержимое чипа, взял другой.

– Да и не так много у них будет кораблей, из которых можно было бы выбирать, – добавил он.

Я хмыкнул. Корабль ВКС «Веллингтон» только что улетел на Касанову, а «Бреберн» находился на пути к Веге. У нас имелось свыше семидесяти кораблей, но в Солнечной системе пребывали не больше двух. Это совсем не походило на времена войны с рыбами. Тогда наш Флот держался стайкой. А теперь суда все как один были отряжены на перевозку товаров в колонии и доставку их продукции на Землю.

– Мистер Сифорт? – На этот раз его голос звучал неуверенно, парнишка будто пробовал почву. – Я не хотел бы получить какие-то преимущества, но... – Он напрягся. – Я мог бы надеяться попасть на корабль? То есть отойти от административной работы?

Я мог бы поклясться, что у него перехватило дыхание. У меня пропало всякое желание его в чем-то упрекнуть.

– Конечно, Чарли, ты этого заслуживаешь.

Он глубоко вздохнул. Точно, ждал ответа не дыша.

Арлина смотрела на меня, положив руки на колени, лицо ее выражало неодобрение.

– Ради всего святого, – сказал я. – Мне надо идти: это премия Бона Уолтерса, а я – один из почетных гостей.

Намечалось вручение награды имени Хьюго Бона Уолтерса, легендарного капитана, который нашел обломки «Целестины», потом исполнял должность колониального губернатора и в завершение карьеры стал примерно сто лет назад Генеральным секретарем ООН. Премию эту вручали тому, кто, по всеобщему разумению, являл собой образец высочайшей нравственности. Отказаться от поездки на церемонию было невозможно. Торжество готовилось на орбитальной станции в отеле «Хилтон».

Я ощущал неясное беспокойство. Знал, что принятие нами нового налогового законодательства облегчило решение многих вопросов, и это сыграло важную роль в том, что меня выбрали очередным кандидатом ежегодной премии – хотя это и не была в привычном смысле слова услуга за услугу. Действительно нет, хотя Джеренс и обсуждал этот вопрос с членами комитета. В любом случае я хотел обсудить некоторые проблемы с флотским начальством, а выдвинутый патриархами ультиматум сделал такие консультации крайне необходимыми.

Впрочем, теперь, когда мое пребывание в должности Генсека могло вот-вот прийти к позорному концу, особой надобности в этих переговорах для меня не было. Что бы ни сказали в Адмиралтействе, я не стану изменять политику в угоду Сэйтору.

– Ники, ты работаешь на износ. И перегрузка в полете...

Я застонал:

– С каких это пор у меня возникают проблемы в полетах? – И то верно: я всю свою жизнь вполне успешно преодолевал тяготение разных планет.

– Ты становишься старше.

– Все будет в порядке. – Надо было как-то ее успокоить. – Я попрошу Бранстэда, чтобы он устроил мне короткий отдых, когда все это закончится.

Как я и надеялся, жена слегка улыбнулась. Но улыбка тут же погасла. Арлина сказала:

– Не смейся над моей обеспокоенностью.

– Я и не смеюсь, дорогая, но куда я являюсь Генсеком, мне надо исполнять свои обязанности. – Я проверил, какой эффект произвели мои слова, но, кажется, они не возымели никакого действия. – Ну, держи хвост пистолетом! Полетели со мной!

– О... ну, пожалуй.

К счастью, мне удалось скрыть удивление.

– Отлично! У нас есть еще два часа. Собирайся. Если откровенно, такой полет действовал на меня куда тяжелее, чем путешествие по земле, и я не хотел, чтобы Арлина в это время видела своего благоверного. Сама она переносила перегрузки очень легко, словно была кадетом и собиралась только в первый полет на Фарсайд. С другой стороны, она всегда являлась фанатиком фитнеса. Учила Филипа приемам самообороны гораздо лучше, чем это мог бы сделать я, будучи довольно строгим тренером. И к тому же до сих пор имела прекрасную фигуру.

Обычно мы взлетали с шаттлпорта «Потомак». Он был примерно вдвое меньше, чем нью-йоркский имени Бона Уолтерса. Четвертый по размерам в Северной Америке. С него стартовали суборбитальные корабли, следовавшие в Европу или Азию, а также большие суда, доставлявшие грузы и персонал на орбиту.

К сожалению, мой Генсековский шаттл был на ремонте в Нью-Йорке, а когда я предложил Тилницу воспользоваться коммерческим рейсом, тот просто рассмеялся. Поэтому мы сели в вертолет, направлявшийся в «Потомак», где собирались воспользоваться реактивным кораблем и благодаря этому выгадать час в сравнении с тем, как если бы мы сначала полетели на вертолете в Нью-Йорк. Я внутренне содрогнулся: конечно, я предпочел бы полететь на реактивном вертолете прямо в шаттлпорт Бона Уолтерса, но это не совсем подходило для тех, кто сопровождал меня в этом путешествии.

Мы пролетели над старым Белым Домом, где американский президент все еще возглавлял местное правительство. В Вашингтоне по-прежнему правила бал разросшаяся бюрократия, город был застроен громадными белокаменными зданиями в старом стиле, которые соседствовали с остекленными монстрами-небоскребами. Останки Пентагона смотрелись, точно шрамы на теле человека.

В шаттлпорту «Потомак» мы с Арлиной в сопровождении нашей свиты по красному ковру прошли к поджидавшему нас кораблю. Я был предельно взволнован.

Словно чувствуя мое состояние, свита оставила нас в покое, едва двери корабля были закрыты. Карлотти, мой пресс-секретарь, расположился в хвостовой части. Марк Тилниц устроился вместе с экипажем в кабине. Арлина села в кресле у прохода и смотрела голографовизор. Только Джеренс Бранстэд, со своей обычной непринужденностью, опустил на сиденье рядом со мной, держа в руках свой голографовизор.

– Вы хотели узнать, как нас рассадят на церемонии, сэр? – Одобрение размещения участников банкета было одним из условий, которого мы добились на переговорах.

– О да. Есть схема? – Я уставился в план торжества. Участие в нем могло стать одним из моих последних появлений на публике, и мне хотелось получить удовольствие. – Кана пусть сажают не сюда. Мы никогда не были друзьями. – Хотя, если бывшего Генсека посадить не в центре, а где-нибудь в другом месте, это вызовет его раздражение. Самого меня эти нюансы никогда не волновали. – А где Метзнер? Нет, его надо посадить впереди. Он поддержал наши действия по финансированию Военно-Воздушных Сил ООН.

Двигатели заревели громче. Почти незаметно мы тронулись в путь.

– А теперь проверь, чтобы Боланд сидел рядом со мной. Он будет счастлив, а Родштейн пусть позлится.

Руководитель моей службы посмотрел на меня с подозрением:

– Вы уверены, сэр?

– Если земельщикам это не нравится, пусть устраиваются в вестибюле, – весело ответил я. Через мгновение Бранстэд тоже улыбнулся.

Наконец мы начали взлет.

– А теперь насчет флотских...

Неожиданный удар чуть не выбросил меня из сиденья. Почти тут же корабль начал тор-мозить, его стало кидать из стороны в сторону. Я вцепился в подлокотники.

Марк Тилниц выскочил из кабины. Он пробежал мимо Джеренса, отстегнул мои ремни безопасности и бросил меня на пол.

Потом он пробежал по салону, освободил Арлину. Пересадил ее на несколько рядов вперед. Затем подполз ко мне, стараясь оставаться ниже линии иллюминаторов.

Весь дрожа, корабль замедлял ход.

– Господи, что происходит? – прорычал я.

Не обращая никакого внимания на мои слова, Тилниц крикнул в переносной микрофон:

– Наземные службы! У нас завязался бой! Стреляют с запада. Закройте шаттлпорт! – Он бросился к кабине. – Пилот, держитесь дальше от зданий! Выруливайте в конец взлетно-посадочной полосы!

Двери кормового отсека распахнулись. Из него вышли два здоровяка-охранника. Один наклонился надо мной, защищая своим телом.

– Не подходи к иллюминаторам, Бранстэд! Ложись! – Марк с пистолетом в руках осторожно глянул в окошко. – Никого не видно. Никто не ранен? – Он осмотрелся. – Они прострелили шасси.

Я отодвинул охранника и проковылял к сиденью в дальнем углу корабля.

– Откуда ты узнал? – Меня все еще колотило от выброса адреналина.

– Видел искры на бетонке. Сначала они промахнулись. Держитесь ниже, сэр. – Дернул он меня за руку. Потом снова постучал по клавишам мобильного. – Бронированный автомобиль – на северный конец полосы. Вызовите армейские части, вертолет, обеспечьте поддержку с воздуха.

Я высвободился из его цепкого захвата.

– Я здесь в такой же безопасности, как и в любом другом месте. Арлина?

– Со мной все в порядке. – Ее лицо было хмурым. – Марк, поймай их.

– Наши ребята знают свое дело. – Он прорычал что-то в мобильник. – Господин Генеральный секретарь, мы доставим вас домой, в вашу резиденцию.

Я хлопнул по подлокотнику кресла.

– Черта с два! – И тут же устыдился за свой язык. – Я не позволю какому-то лунатику с винтовкой держать меня узником в собственном доме.

– Ники...

– Нет, Арлина, я лечу на орбитальную станцию. Оставайся дома, если боишься.

Я тут же пожалел о сказанном, но было поздно. Вместо ответа Арлина сжала губы и промолчала. Стало ясно, что она потихоньку наливается гневом. Я постарался говорить убедительнее:

– Марк, я принимаю эту защиту, пока ты будешь все улаживать. Даю час. Два, не больше. А потом мы летим в Нью-Йорк.

– Это мне решать. Была стрельба.

– Ты слышал, что я сказал?

– А вы слышали меня? Или я ухожу в отставку. – Мы обменялись взглядами.

– Хватит, вы, оба, – прорычал Джеренс. У меня перехватило дыхание. Мой руководитель администрации никогда так со мной не разговаривал. – Марк, он твой начальник, нравится тебе это или нет. Господин Генеральный секретарь, перестаньте двигаться туда-сюда. Марк знает, что делает.

– А я никогда и не говорил, что не знает. – Почему мой голос стал таким ворчливым?

Вдали завывали сирены. К нам приблизились машины с мигалками, и вскоре мы оказались в их кольце.

Марк вглядывался вдаль, а сам слушал через наушники, что ему говорят.

– Снаружи все проверено. Выходите из корабля, господин Генеральный секретарь.

– Отлично. Арлина? – Я протянул жене руку, но она уже шла позади меня.

Тилниц шел впереди, с пистолетом наизготовку. В окружении охранников я проследовал вниз по ступенькам и через несколько секунд оказался в дымчатом бронированном автомобиле.

– Вперед! – прорычал Марк.

– Только с Арлиной.

– Она поедет в следующей машине. Давай вперед! – Мы рванули с места, быстро набирая скорость.

– Куда мы направляемся?

– В ангар.

– Зачем туда?

– Согласно инструкции, – терпеливо объяснил Тилниц.

Через час я мерил шагами холодный бетон ангара:

– Я хочу осмотреть тело нападавшего.

– Пока не будет обследован каждый дюйм, шаттлпорт нельзя считать безопасным.

Настроение у меня было паршивенькое. Арлина смотрела на меня как на пустое место, несмотря на мои извинения. Я понимал, что все слова тут были бессмысленными. На «Веллингтоне» во время атаки рыб супруга держалась мужественно и не выказала никакого страха. И теперь поставить под сомнение ее смелость...

Джеренс Бранстэд стоял у автомобиля, скрестив руки на груди и всем своим видом демонстрируя несогласие с моим решением немедленно лететь на орбитальную станцию.

Я глубоко вздохнул. Потом сделал еще одну попытку. Придется мне поучиться терпению.

Джеренс громко вздохнул, уже в третий раз. «Нет, Господи, я этого не допущу. Меня уже почти лишили доверия церкви патриархи, и теперь я сделаю то, чего хочу».

– Марк, посмотри на меня. – Я взял его руку и положил себе на грудь. – Кто я, по-твоему?

– Генеральный секретарь, – озадаченно ответил он.

– Но не Иисус Христос, ты согласен?

Он кивнул.

– Я обычный человек, – продолжал я. – Поэтому меня могут убить, несмотря на все ваши старания. Все годы моей службы на Флоте мне угрожали разные опасности. В меня стреляли и на «Гибернии», и на Надежде. Ранили на «Дерзком». Рыбы заливали мои корабли кислотой. Я едва не погиб при восстании. – Я умолчал о моем клятвоотступничестве. Вовремя прикусил язык. И мысленно вознес короткую молитву раскаяния.

– Эти времена давно миновали, – сказал он.

– Нет, если Господу Богу так угодно! – Я поднял трость, словно боевой лазер. – Я не собираюсь здесь мариноваться и сидеть сложа руки. Слышишь? Покажи мне это черто... благословенное тело.

Марк поднял руки, как бы сдаваясь.

– Хорошо, хорошо. – И мы снова забрались в броневик.

Территория шаттлпорта была оцеплена. Я наклонился над окровавленным телом, в руках этого человека все еще была зажата старая винтовка. Бледный светловолосый парень, лет тридцати. В выцветшем спортивном костюме, с рваной раной в груди. Рассыпавшиеся волосы, землистого цвета щеки. Мне с ним никогда встречаться не приходилось. Впрочем, ничего другого я и не ожидал.

Вокруг сустились полицейские и сотрудники службы безопасности ООН – записывали что-то, опрашивали свидетелей. Слава богу, Карлотти умел держать представителей масс-медиа на дистанции. Только за это я его и терпел.

Я глянул вниз, на пустые глаза нападавшего.

– Он был один?

– Если не считать водителя.

– Идентификационный номер?

– Мы взяли отпечатки пальцев и пробу ДНК. Анализ не займет много времени. Хотя он явно из Лиги экологического действия. – Марк поймал мой удивленный взгляд и пояснил:

– У него в кармане был их манифест.

– Еще один?

– Похожий на первый. – Он скривил губы. – Нам следовало быть к этому готовыми. В Девоне они предупредили, что устроят что-то еще.

– Где эта бумага?

– У следователя. Я сделаю для вас копию.

Я потрогал пальцем ткань спортивного костюма:

– Зачем ты это сделал, приятель?

– Вряд ли он ожидал, что погибнет. – Марк махнул рукой в сторону выхода:

– Он почти успел скрыться. Его ждала машина.

– Есть ее описание?

– Да, мы его получили. Но, к нашему стыду, водитель успел сбежать. Я бы хотел, чтобы вы отсюда ушли. Все ведь увидели?

– Да.

Все это меня сильно расстроило. Как могло получиться, что эти невинные дети, эти экологи, становятся убийцами и обстреливают мой корабль? Мятельные века давно миновали, слава богу: Народы больше не изнывали под гнетом тирании. Повсюду на земле люди так или иначе объединялись, а войны и прочие ужасы давно сделались достоянием истории. Да, было восстание беспризорников – но они пошли на такое, когда их приперло к стенке, когда самое их существование оказалось под угрозой.

Акт терроризма всегда наказывался смертью, увенчался Он успехом или нет. Это не подлежало сомнению. Но когда в последний раз применялась такая мера? Серьезные разногласия в обществе стали столь редкими в наши дни... А после усовершенствования лазеров в Лунаполисе – что толку в восстаниях? Восточное побережье Америки, правительственные службы и наши главные индустриальные центры были так надежно защищены, что никакая сила на земле не могла им всерьез угрожать.

Я вздохнул. Что нас ждет впереди? Ладно, вряд ли решение этой проблемы затянется надолго.

– Доставьте нас на церемонию Бон Уолтерса. Марк повел меня к вертолету.

Орбитальная станция была самой большой из когда-либо построенных рядом с нашей планетой. Она находилась на геостационарной орбите, над восточной окраиной Соединенных Штатов. С нее стартовали межпланетные корабли до Лунаполиса, Деймоса и других ближайших поселений, а также, что более важно, отправлялись тяжелые межзвездные космолеты Флота к более дальним колониям. В огромных ее хранилищах ждали своей очереди для отправки к другим планетным системам всевозможные грузы, а также зерно и руда из далеких

колоний для переброски на Землю или другие соседние порты. На орбитальной станции имелось множество отелей и ресторанов, обслуживающих толпы пассажиров, что направлялись на одну из семидесяти семи планет и спутников, на которых человеческая раса основала свои поселения.

Одиннадцать из них были колонизированы во время моего пребывания на вершине власти.

Я тайком потирал грудь, причем не столько из-за быстрого подъема. В течение десятилетий, с тех пор как мои легкие заменили... Да ладно...

– Добро пожаловать, сэр, – приветствовал меня Джефффри Рэнд, одетый в гражданское администратор орбитальной станции. – Слава богу, вы в безопасности.

Я нахмурился. Конечно, о происшествии в шаттлпорту уже раструбили на весь мир.

– Вы знакомы с миссис Сифорт? Арлина...

Она вежливо кивнула, все еще с насупленным видом. Рэнд показал на электромобиль:

– Сюда, пожалуйста, сэр.

Когда я проходил мимо выстроившихся в шеренгу официальных лиц, адмирал флота Маккей четко, как положено по уставу, отдал честь.

Марк Тилниц, шествуя рядом со мной, всматривался в лица, перебегая взглядом на руки. С учетом недавних событий его трудно было за то винить.

Я кивнул Бранстэду:

– Что там у нас дальше?

– Я предусмотрел для вас пару часов отдыха в «Хилтоне», но это было еще до... задержки. Поэтому я отменил встречу с офицерами Флота, чтобы у вас было время отдохнуть до банкета.

– Чушь. – Я глубоко вздохнул, чтобы унять дрожь. – Обойдусь сегодня без дневного сна.

– Он тебе необходим, Ник. – Голос благоверной был едким, точно соляная кислота.

– Все решено. – Я крепко сжал губы, не желая ссориться с женой в присутствии посторонних.

Электромобиль катил по ярко освещенным коридорам, сплошь в аварийных люках, которые закрывались при первых признаках декомпрессии. Из соображений безопасности мы высадились на пятом уровне, неподалеку от базы Флота, вдали от гражданских учреждений и магазинов.

Будучи капитаном, я много раз проходил такими коридорами, ни о чем не задумываясь. Теперь мои пальцы нервно сжимали трость. В случае нужды я бы мог пройти по ним еще раз. Мои охранники слишком рьяно меня опекают, и, подозреваю, я от этого изрядно размяк. Я уже наполовину решил остановиться на электромобиле и пойти пешком. В самом деле...

Я поднял трость:

– Притормози-ка.

Вздвигнув, водитель сбавил ход. Я вылез из электромобиля. Марк спешно последовал за мной.

Все уставились на меня. Не мог же я от всех требовать, чтобы они присоединились ко мне. Доставил бы при этом неудобства для Рэнда, адмирала, моих помощников...

Мне надо было найти какую-то причину остановки.

– Что это такое? – Я указал на аварийный люк.

– Для регулировки движения, господин Генеральный секретарь. – Если Рэнд и был удивлен моей выходкой, то никак этого не показал.

– Давайте посмотрим. – Я открыл люк, повернув специальное колесико снаружи.

За ним оказалась небольшая комнатка. Я проскользнул мимо испуганных охранников. На полках и столах размещалась всевозможная аппаратура, возле которой сидели техники.

– Почему они не в униформе?

– Это гражданские, сэр.

– О, конечно. – Я почувствовал себя идиотом. Бывал бы почаще на орбитальной станции – знал бы ее лучше. Флот занимался своими делами в одном крыле, а остальное пространство станции находилось под контролем администрации. – Очень хорошо. – Я как ни в чем не бывало погрузился обратно в электромобиль. – Поехали.

Через несколько мгновений мы приблизились к пропускному пункту в конце флотского крыла. Я обменялся рукопожатием с администратором станции и с вызовом посмотрел на Тилница.

– Марк, я на территории Флота. Отдохни немного. Отвези Арлину в отель. Или, может?.. – Я махнул рукой в сторону аварийного люка.

Арлина помотала головой:

– В отель.

– Господин Генеральный секретарь...

– Джеренс, скажи Марку, что там, где Флот, я в безопасности. Адмирал, пойдемте. – И я оставил Тилница протестовать дальше.

Зал заседаний мог бы вместить весь Совет Адмиралтейства, все пятнадцать человек. Но нас было только пятеро, включая капитана. Адмирал Маккей, в серой пятнистой униформе, сел напротив меня. Рядом с ним расположился адмирал Хой. У него было узкое лицо, хранившее мрачное выражение. Йохансон из правительственной службы внешних сношений тоже здесь присутствовал, и еще один офицер, которого я не знал, неотрывно сверлил меня своими голубыми глазами.

– Господин Генеральный секретарь, позвольте представить вам капитана Стангера.

– О, конечно. – Я видел его голографический портрет, распространяемый по сетям. – Как вы находите «Галактику», мистер Стангер?

– Она великолепна, сэр. – Его взгляд потеплел, и капитан слегка улыбнулся.

Я хмыкнул про себя. Еще бы, при такой-то стоимости! Но долг вежливости требовал добавить кое-что еще:

– А как с погрузкой?

Трюмы «Галактики» были громадными. Некоторые из них приходилось заполнять при помощи шаттлов.

– Все идет хорошо. Два месяца, как и предусмотрено графиком. – Он увидел мою гримасу и быстро добавил:

– Все в порядке, сэр, правда. Мы используем это время для того, чтобы лучше подготовить команду.

Это-то я мог понять. Обучить экипаж – всегда задача непростая, и уж вдвойне сложнее, если собран он с миру по нитке, с других кораблей, где были другие порядки и другая техника.

Адмирал Маккей прокашлялся, включил свой голографовизор:

– Что ж, тогда...

– А вы не хотите пройти по кораблю, господин Генеральный секретарь? Тем самым вы бы оказали нам большую честь. – И Стангер застыл в ожидании.

– Мне очень жаль, что не могу сейчас этого сделать. Должен быть на банкете по поводу премии Бона Уолтерса... – С другой стороны, в моем графике на завтра не предусматривалось ничего существенного, и вполне можно было посмотреть на этого космического гиппопотама, ставшего яблоком раздора. Кроме того, после следующей встречи с патриархами мне, наверное, не представится такой возможности.

Я отослал свой шаттл обратно на Землю. Тилницу и Бранстэду это не понравилось.

– Очень хорошо, утром. Я туда загляну. – Я заметил, что глаза у Маккея стали ледяными. – Прощу прощения, адмирал, давайте перейдем к делу.

Мы быстренько обсудили полдюжины обычных вопросов: внебюджетные ассигнования, новые назначения, диспозицию кораблей Флота... Потом возникла неловкая пауза.

– Ну? – Я переводил взгляд с одного на другого. – Для чего мы на самом деле собрались?

– Господин Генеральный секретарь, – осторожно начал адмирал Хой. – Мы хотели бы, чтобы вы были в курсе тех мнений, которые разделяет большинство офицеров.

Патриархи уже порядком поднадоели мне своим хождением вокруг да около, и я не хотел больше этого терпеть:

– Говорите прямо.

– Мы все любим Флот, об этом и говорить нечего. И мы прекрасно знаем, как к нам относится ваша администрация.

Я заволновался. Почему ему так трудно поделиться своими мыслями? Возможно, капитан Стангер почувствовал мое нетерпение. Он выразительно кашлянул, и Хой с облегчением ему кивнул.

Стангер шагнул вперед, его глаза были серьезными:

– И так не хватает средств, чтобы восстановить Нью-Йорк, спасти затопляемые Нидерланды и обеспечить Флот всем необходимым для поддержания единства человечества, во избежание отделения колоний... Короче говоря, Флот не хочет, чтобы средства тратились на пустые экологические затеи. Вот, я все сказал.

– А конкретно вы – какое имеете к этому отношение?

– Строго говоря, никакого. – Он на мгновение опустил глаза. – Может, вы бы предпочли, чтобы мы об этом не говорили?

«Да», – подумал я.

– Нет, конечно, нет. Я всего лишь хотел сказать... – Я запнулся. – Продолжайте.

Стангер криво улыбнулся:

– Все, находящиеся здесь, будут до последнего дыхания верны присяге, как и офицеры, с которыми мы говорили.

– Естественно.

Почему по спине у меня пробежал холодок?

– Тем не менее многие офицеры испытывают недовольство. Думаю, вы подтвердите это, адмирал Хой, не так ли? Так вот. Администрация Сифорта не выступила против Закона об уменьшении парникового эффекта...

– Сокращение промышленных выбросов уменьшит всемирное потепление, хотя бы на градус. Это только пять процентов.

– Три года назад был максимум – всего в четыре процента. Но любое ограничение тормозит работу нашей промышленности и наносит удар по авторитету правительства. А с какой целью? Откровенно говоря, Голландию все равно не спасти. Напрасные хлопоты.

Я покачал головой:

– Дело не только в Нидерландах. Та же ситуация во Флориде, Луизиане, Японии.

– Построить обычные дамбы намного дешевле, чем все эти глобальные фантазии экологов, господин Генеральный секретарь. Согласитесь, сэр. – Стангер дождался, пока я согласно кивнул, и продолжил:

– Укрепление Флота жизненно необходимо. Вы не можете с этим не согласиться. В колониях тревожно, и если торговля хотя бы с одной из них остановится – наша экономика может войти в штопор. Сейчас, как никогда, требуется наше присутствие повсюду, и для этого нужно больше кораблей. И препятствует этому не только законодательство, затрудняющее работу фабрик и заводов. На самом деле никакие мероприятия по защите от озоновых дыр не проводятся и...

– Но мы будем стараться что-то сделать.

Почему я почувствовал, что защищаю линию «зеленых»? По сути, Стангер оказывался прав. Мы мало что могли противопоставить той линии, которой придерживался относительно нас Господь Всемогуший. Но я не должен был говорить это Стангеру: он бросал вызов политике моей администрации.

– Мы находимся под все нарастающим давлением «зеленых», – продолжал я. – Дело не только в Уинстеде и его Совете, сейчас выдвинулась Лига экологического действия. Отменить все экологические программы было бы так же плохо, как присоединиться к терроризму «зеленых». Неужели вы не видите, что мы должны стоять на своем?

– Я вижу, что бюджет Флота не в порядке. Не надо сокращать его еще и в пользу этих экологи...

– В этом году Флот потратил больше, чем в предыдущем.

– Да, мы получили прибавку, но почти вся она пошла на «Галактику» и «Олимпиаду».

Я хлопнул рукой по столу:

– Вы сами хотели, чтоб построили эти корабли!

– Конечно, они нам нужны. – Стангер говорил искренне. – Они могут перевезти тысячи солдат, если до этого дойдет. Ни одна колония не станет...

– Мы не будем использовать их для нападения на другие миры! – Я с трудом сдерживался. Мы слишком далеко зашли. – Я не буду отменять Закон о парниковом эффекте. Это нецелесообразно.

Мы с Бранстэдом решили дать «зеленым» небольшой тайм-аут, чтобы они подуспокоились.

– Вы по-прежнему останетесь марионеткой в руках Совета по защите окружающей среды?

– Не сказал бы так. – Я помолчал. – И как много офицеров солидарны с высказанной вами точкой зрения?

– Большинство из тех, с кем я говорил. – Он повернулся к Маккею:

– Сэр, а какова позиция Адмиралтейства?

Казалось, что адмиралу не по себе.

– В целом у нас лишь небольшие разногласия. Господин Генеральный секретарь... – Он с вызовом посмотрел на меня. – Всю свою жизнь вы оказывали поддержку Флоту. Неужели вы не видите, что настал момент, когда колебаниям не место?

Я медленно поднялся на ноги.

– А разве меня можно в этом обвинить? Йохансон из Правительственной службы впервые подал голос:

– Ни в коей мере, сэр. Но мы обеспокоены тем постоянным давлением, которое оказывают на вас эти экологи. Они не имеют никакого понятия, что бюджет не резиновый.

– А что, если... – осторожно спросил я, – если я уступлю их просьбам?

– Но почему, сэр? – Простодушные глаза Стангера встретились с моими. – Всего лишь исполняйте свои обязанности, как всегда. А иначе мы будем очень разочарованы.

– Что ж, ладно. Смотрите только, чтобы дальше этого не зашло. – Кожа у меня сделалась липкой от пота. – Я тщательно обдумываю то, что вы сказали. На совещании в Адмиралтействе в следующем месяце, когда речь пойдет о бюджете...

Но в следующем месяце я вряд ли буду с кем-то совещаться в Адмиралтействе. В лучшем случае меня отправят в отставку. Или обвинят в ереси, если патриархи все же сделают то, что задумали.

– Я хорошенько над этим подумаю, – закончил я уверенным тоном. – Положитесь на меня. Я очень хочу, чтобы наш Флот был сильным и боеспособным.

На этой ноте мы и попрощались.

Такая конфронтация чрезвычайно меня встревожила. Вне зависимости от того, рассматривать высказанные замечания как угрозы или просто как предупреждение, стало абсолютно ясно, что я слишком долго не интересовался службой офицеров Флота. Впрочем, это будет проблема моего преемника, а не моя. Если только я не выберу дружбу с консерваторами, не устрою демонстрацию нашей мощи перед колониями и как следствие не завоюю расположение патриархов.

– О, господин Генеральный секретарь. – Адмирал Хой выглядел взволнованным. – Не могли бы вы заглянуть в мой кабинет? Я хочу вам кое-что показать.

– Отлично. – В коридоре меня ждал Джеренс Бранстэд с начальником моей охраны. Я нахмурился:

– Вроде бы вам было велено отдыхать.

Тилниц только махнул рукой:

– Моя работа состоит в том, чтобы не спускать с вас глаз.

Рядом с нами был Хой, поэтому я не стал спорить. Мы пошли с ним к люку, ведущему в его апартаменты.

– Сюда, сэр.

– Знаю, – холодно отозвался я.

Когда-то, десятилетия назад, я поднялся сюда наверх, в эту самую каюту, чтобы потребовать от адмирала Джеффа Торна отменить приказ о расстреле каждого десятого переселенца. И это место напомнило мне о трагедиях, о которых я давно забыл, а также о днях, когда мы с Фити еще были друзьями.

Хой застыл возле проема. Я вошел внутрь, ориентируясь по блеску огромного голографического экрана, занимающего целую стену напротив.

– Ничего не измени... Господи! Вскочивший на ноги офицер виновато улыбался:

– Мы хотели сделать вам сюрприз, сэр. С вами все в порядке?

Я прислонился к стене.

– Да. Я... Алекс, как ты... это так замечательно, что... я не знаю... – Я нервно сглотнул. – Иди ко мне!

Офицер протянул руки ко мне, и я собрался было пожать их, но отстранил его вместо того, чтобы обнять.

– О боже! Боже мой! – Я был не в силах сказать что-либо еще.

Алекс Тамаров был бравым гардемаринком на «Гибернии», когда я впервые перешагнул порог ее кают-компаний – полным надежд мальчишкой, сломанная жизнь которого была еще впереди. Позже я сделал его лейтенантом, летал с ним снова спустя несколько лет, прошел вместе с ним через огонь, воду и муки амнезии.

Я вытер глаза.

– Как ты... где ты был...

– «Мельбурн» пришвартовался два дня назад, сэр.

– Сколько же лет прошло?

– Двенадцать.

Несколько полетов у него – и выборы, политика у меня.

Я закрыл глаза. Как это могло произойти? Как так получается в жизни? «Посмотри-ка на него, – подумалось мне. – Все еще стройный, лицо словно выточено из камня, волнистые волосы, едва тронутые сединой. Капитан». О звании Алекса сообщали звездочки на его плечах, но я и так это знал. Время от времени, просматривая списки капитанов, я вспоминал некоторые имена.

– Шесть с половиной лет, – продолжал он, – меня не было в Солнечной системе. А здесь занимался организацией нового полета. Джош Феннер планирует отправить «Мельбурн» на Титан. Мойра немного расстроилась, что я оставляю ее с ребятами, особенно переживает

за Майкла. Мистер Сифорт не желает их повидать? – Моя улыбка погасла при мысли об изменениях, которые мне придется вносить в свои планы. – Они в отеле. Она будет рада видеть вас. И мы немного посидим... О!

– В чем дело, сэр?

– Дерек в городе! – Его лицо вспыхнуло от восторга. «Три мушкетера снова вместе!» Когда мы были почти мальчишками, то сообща сносили терпеливо все мучения в Сентралтауне.

Я хихикнул. Каким-то образом благодаря его присутствию у меня полегчало на сердце. Алекс был добродушным парнем – не прошибешь за просто так. Если бы он был рядом со мной все эти бесцветные годы!

Кто-то кашлянул рядом. Словно очнувшись, я осознал, что мы не одни.

– О, Марк, вы никогда не встречались... Адмирал Хой, вы не представите их друг другу? – Я упал в кресло и обхватил голову руками.

Когда-то на планете Надежда мы с Алексом спали в одной палатке вдали от освоенной плантаторами зоны...

– Сэр?

Я был таким молодым, боевым, старался исполнять свои обязанности...

– Сэр, с вами все в порядке? – снова послышалось рядом.

– Конечно, Джеренс. – Я взялся за протянутую им руку. – Выдели время для Алекса. Придумай что-нибудь, вне зависимости от того, что у меня намечено. И пусть он сидит впереди на сегодняшнем банкете.

– Будет сделано.

Двумя уровнями ниже коридоры орбитальной станции были шире, обшивка более изящной, вполне подходящей для пребывания там пассажиров. Наш электромобиль сбавил ход у отделанного золотом входа в «Хилтон».

Я сердечно помахал зевакам, будучи в хорошем настроении оттого, что рядом со мной оказался Алекс. Мы проложили себе дорогу через толпу людей. На церемонии были приняты все возможные меры предосторожности, не проверяли только тех, кто уже прошел через это по пути на станцию.

Через полчаса – на виду у сотен людей, которые заплатили астрономические суммы за привилегию здесь присутствовать, и на глазах еще миллионов телезрителей – я ковырялся вилкой в зеленом горошке и жареном цыпленке.

Я думал об Арлине, мне хотелось посоветоваться с нею по поводу разговора со Стангером, но она сидела в переднем ряду, отказавшись выйти на авансцену. Надо будет мне как-то больше не глупить.

Сенатор Роб Боланд склонился ко мне поближе:

– Надеюсь, я не помешаю вам нынешним вечером?

– Не помешаете, если будете говорить правду.

Не будь он так озабочен выборами на новый срок, я бы во многом с ним согласился. Но Робби Боланд удачно занимал сенаторское кресло своего отца и заслуживал переизбрания.

Мы давно забыли и наши разногласия по поводу беспризорников, и моральное поражение Боланда. Политика научила меня быть практичным. Его помощь была важным инструментом в проведении через Сенат многих законов, которые моя партия считала важными.

В другом конце стола, отведенном для почетных гостей, бывший Генсек Кан мрачно жевал.

Робби перегнулся над моей тарелкой, чтобы пожать Алексу руку:

– Мистер Тамаров, не могу поверить, что мы встретились.

– Рад встрече, сенатор.

– Вы служили на его первом корабле? Как я вам завидую.

– Почему же? – Алекс бросил на меня извиняющийся взгляд, но я не очень вникал в их разговор обо мне.

– Я познакомился с мистером Сифортом, когда он был начальником Академии. – Боланда тогда, моими хлопотами, приняли туда кадетом. – Вы же знали его в молодости.

– Все мы были тогда молоды. – Алекс улыбнулся своим воспоминаниям, потом повернулся ко мне. – А сейчас – посмотрите-ка. – Он прочитал блистающую надпись на экране позади нас:

– Премия Бона Уолтерса за высочайшую нравственность.

– Господи Иисусе, Алекс. О, извините! – Я тут же склонил голову в искреннем раскаянии. – Ты что, не понимаешь, что все это политиканство? Как я на самом деле мог это заслужить?

– А почему бы и нет?

Замигали огни. Председательствующий взобрался на подиум и начал вступительную речь. Я старался изобразить вежливый интерес.

Сначала он изъясил всеобщую благодарность организаторам церемонии. Потом передал слово Антону Бурсу, всемирно известной кинозвезде, который создал для миллионов зрителей образ капитана Бона Уолтерса. Потом глава фонда Бона Уолтерса рассказал о своей сложной работе и о премии, которую они спонсируют.

Моя вежливая улыбка стала превращаться в каменную маску. Я прикрыл рот платком.

– Терпение, сэр, – прошептал Алекс. – Это долго не продлится.

Я только хмыкнул в ответ. Его глаза блеснули:

– Я и понятия не имел об этой премии, когда «Мельбурн» ошвартовался. Как все удачно сложилось.

– Ну, ты-то здесь не виноват.

– Разве вы не понимаете, сэр? Я бы вышел из игры много лет назад, если б не ваш пример. Даже сегодня кадеты вас глубоко уважают. Не могу и передать, как это здорово – ощущать, что и все общество думает точно так же.

– Алекс, ну сколько тебе повторять? Мы организовали это – Бранстэд и я.

Я отвернулся, чтобы немного пригубить вина. Через стекло бокала один из огней светился, как иллюминатор. Я поиграл своим бокалом. Походило на иллюминатор на корабле ВКС «Хельсинки»...

Я спустился на второй уровень. Вверх по лестнице, потом налево. Еще зеленый, неуклюжий шестнадцатилетний мальчишка – я был впечатлительным гардемаринком, впервые входившим для доклада на капитанский мостик. До этого я не видел мистера Хагера – первого гардемарина, от которого зависела моя судьба, – не видел и капитана, столь отдаленного от моей тогдашней жизни, что я покрывался потом в предвкушении скорой встречи.

Мне надлежало произвести хорошее впечатление. От этого зависела вся моя карьера. Вся моя учеба, все мои тренировки были подготовкой к этой встрече.

«Помоги мне, Господи. Я раб Твой, всецело преданный Тебе. Я посвящу всю мою жизнь Тебе».

Мои шаги замедлились. Я был рядом с капитанским мостиком.

Я застегнул все пуговицы, пригладил китель. Пробежался пальцами по коротко остриженным волосам.

«Вот оно, Господи! В этот момент начинается моя карьера. Помоги мне сделать все правильно. Помоги мне держаться достойно».

Послышались аплодисменты. Я вздрогнул и поднял голову. Робби Боланд поднялся с кресла и прошел на подиум.

– Леди и джентльмены! Оказаться здесь сегодня вечером – большая честь. Потому что почетным гостем является мой друг, старый товарищ, верный союзник моего отца, мой... –

он мгновение поколебался, – мой наставник. Человек, который научил меня отличать правду от лжи и благодаря которому, – он горестно улыбнулся, – я утерял политический вес. – Это вызвало дружеский смех. Боланд, донельзя расстроенный гибелью своего друга Адама Тенера, которую не сумел предотвратить, ушел в отставку с должности члена Генеральной Ассамблеи, чтобы поднять на ноги сынишку Адама – Джареда, парнишку с проблемами. Это было за пять лет до его возвращения в политику.

– Николас Сифорт – человек, который никогда не будет лгать. Человек, который никогда не станет вилить. Человек, который ненавидит любую фальшь. Человек, который делает то, что считает нужным, чего бы это ни стоило.

Алекс схватил, меня за руку:

– Я так горжусь вами! Не променял бы это ни на что в мире.

Я по-прежнему смотрел на бокал, но капитанский мостик «Хельсинки» уже растаял.

«Господи, почему все так получается? Почему я не могу вернуться назад, снова стать тем честным мальчишкой?»

В дальнем конце стола Генсек Кан уперся взглядом в свою тарелку.

«Почему я здесь, Господи?»

– ...человек, который служит примером доброты, решительности, открытости, прогрессивности и моральной чистоты для всего человечества. Представляю вам капитана «Гибернии», «Дерзкого», «Трафальгара», номинанта премии этого года имени Хьюго Бона Уолтерса, Генерального секретаря ООН Николаса Эвина Сифорта! – Боланд повернулся, и зал разразился аплодисментами.

«Господи, верни меня в детство. Я встану на колени, если это поможет моей мольбе. Дай мне еще один шанс».

– Сэр, пора.

«Смилуйся! Как я мог так пасть?»

– Они ждут!

Мне не оставалось ничего другого, как только пройти через это. Несколько слов благодарности – и все закончится. Медленно, устало я поднялся на ноги. Овации не смолкали. Люди вставали и аплодировали стоя.

Это было невыносимо.

Я кое-как добрался до подиума, прислонил неразлучную трость к стойке. Широко улыбаясь, со сверкающими глазами, Робби Боланд протянул мне руку.

Ожидая, когда смолкнут аплодисменты, я оглядел зал. Арвина Родштейна загнали во второй ряд, как я и планировал. Он заплатил немалые деньги, чтобы во всем этом участвовать. Господи, как он элегантен в своем черном костюме!

Я поднял обе руки и помахал залу. Скольких людей здесь я знал? Адмирала Хоя, конечно. Заместителя Генсека Чисно Валера и сидевших с ним за столом помощников. Конни Хистинга с голографовидения. Винце Канло из «Всего мира на экране». Да и многих других.

Аплодисменты стали медленно стихать.

Я жмурился от огней, от света телекамер, которые будут разносить мои слова по всему миру.

В переднем ряду замахали руками, как будто для того, чтобы привлечь мое внимание.

«О, нет!»

Мой сын Филип и Джаред Тенер усмехались, довольные произведенным на меня шоком.

«Нет, Господи, только не это».

Я посмотрел вниз, на Алекса. Его губы словно молча произносили: «Браво, сэр!»

Слышалось скрипение сотен стульев. Наконец в зале наступила полнейшая тишина.

Только несколько слов. И дело будет сделано.

– Леди и джентльмены! Благодарю вас...

«Гардемарин Николас Сифорт докладывает, сэр!» – отчеканил энергичный молодой голос. Я замер в ожидании. Капитан «Хельсинки» повернул ко мне свои пронзительные серые глаза.

– ...благодарю... – Я запнулся. «Нет!»

Я застыл на несколько мгновений, смотря в зал.

Послышались удивленные восклицания.

Я схватился за кафедру так, что костяшки пальцев побелели. В переднем ряду мой сын Ф. Т. смотрел вверх, переполняемый гордостью.

Я поднял голову.

– Благодарю вас за доверие, которое вы сочли возможным мне оказать. – Я осмотрел присутствующих в поисках человека, который мог бы меня понять. – Вы будете чувствовать мою высочайшую нравственность... Между тем прошлой зимой я одобрил изменение в налоговом законодательстве, попав в число номинантов на премию Бона Уолтерса. Я знал, что награждение этой премией обязательно последует за подобным деянием. Это можно назвать только актом моральной нечистоплотности, и больше никак. После того, что здесь мною сказано, я не имею возражений против продолжения церемонии награждения.

Повсюду в зале зазвучали удивленные возгласы.

Филип в переднем ряду молча за мною наблюдал, а губы его разомкнулись, словно он хотел что-то возразить. Рука Джаредда вытянулась вперед, как бы для защиты.

– Являюсь ли я после всего этого порочным человеком? Думаю, что нет, однако я дал волю политическим амбициям и соответственно рассадил здесь гостей банкета. Мистер Генеральный секретарь Кан, вам следовало бы сидеть на более почетном месте – и вы бы там сидели, не вмешайся я. Мистер Родштейн, хотя вы и директор фонда Бона Уолтерса, я дал вам место в отдалении от президиума за ваше выступление против Закона о тарифах на пшеницу. Я прошу прощения у вас обоих за эти нечестные действия.

– Господин Генеральный секретарь! Не надо! – донесся до подиума крик Джеренса Бранстэда.

– Давно ходили слухи, что премия Бона Уолтерса присуждается по политическим мотивам. Так оно и есть. И мне нет прощения за участие в этом дешевом балагане.

Возгласы в зале стихли, и наступила мертвая тишина.

Я проглотил комок, застрявший у меня в горле.

– Так как я нахожусь здесь рядом с моим старым товарищем по полетам, в присутствии моего сына, которым внутренне горжусь, и еще одного хорошего парня, который когда-то был моим кадетом, мне вспомнилось, кем когда-то, несколько десятилетий назад, я хотел стать. Теперь уже поздно пытаться стать таким человеком. Но я могу сделать очень важную для меня попытку искупить свою вину. Итак, как вы видите, если у меня есть какие-то претензии на моральное достоинство, я не могу принять награду, которую присуждают наиболее высоко-нравственному человеку. Я недостойн чести, которую вы мне сегодня оказали.

Я невозмутимо смотрел прямо в голографокамеры.

– Благодарю вас за намерение наградить меня. Благослови вас Господь.

Опираясь на трость, я заковылял через молчащий зал.

4

Мы сидели в моем номере-люкс «Хилтона». За широкими иллюминаторами виднелся корабль ВКС «Галактика», а за ним – огромная сфера Земли.

Джеренс Бранстэд замер на диване, обхватив голову руками.

Арлина пристроилась на подлокотнике моего кресла.

– О, Ники, ты когда-нибудь изменишься?

– Не похоже, – хмыкнул я. Поздновато уже меняться.

– Стыд какой. Если отбросить твою пуританскую мораль, ты просто маленький хулиганишка.

Возмущенный, я задумался. Хотя к ее критике я обычно относился с уважением, Арлина редко наседала на меня прилюдно. Правда, Бранстэд и Алекс были для нас почти членами семьи, но все же...

Алекс прочистил нос.

– Господи, не на поминках же мы! – поспешно сказал я.

– Может быть, и на поминках, – заметил Бранстэд. – На политических. – Его пронизывающие серые глаза остановились на мне.

Я махнул рукой:

– Ерунда все это.

Патриархи все равно через несколько дней мною займутся. Впрочем, Джеренс с Арлиной об этом не знали, а мне не хотелось их беспокоить. Я никоим образом не мог критиковать старейшину, не затрагивая самой Церкви, а этого мне делать никак не хотелось. Так я бы вступил в конфликт с самим Господом.

– Такой был приятный момент, сэр, – сказал Алекс. – Зачем вы все разрушили?

– Тебя это не касается. – Я сначала огрызнулся, а уж потом подумал. – Извини, ты этого не заслужил.

Я устало откинулся назад в кресле, поудобнее устроив голову. Жаль, с нами не было Филипа, но он сказал Арлине, что хочет побыть один, и куда-то ушел.

– Я становлюсь старым брюзгой, – медленно проговорил я. – Наверное, вы замечаете. Надо вам меня придерживать.

– Мы стараемся, – сухо заметил Бранстэд.

– Такое впечатление, будто я навожу порядок в наших делах. Меня так достали все эти придурки, которые мешают нашему прогрессу. – Я вздохнул, мысленно сетуя, что не нахожу нужных слов все это объяснить. – Когда я впервые занял эту должность, шрамы от вражеских атак были еще совсем свежими...

Тогда целые города оказались уничтожены, а люди были в шоке оттого, что наши доблестные покорители Вселенной допустили такое опустошение.

– А затем, в пору моего второго пребывания в должности Генсека, после восстания переселенцев...

Помнится, Нью-Йорк был охвачен пламенем, беспорядки распространились на Чикаго, Детройт, Лондон.

И в качестве офицера Флота, и на гражданке я был героем войны, а потом миротворцем. Но как Генеральный секретарь я работал над тем, чтобы устранить последствия разрушений, создать условия для роста экономики. Чтобы унять разгул эмоций, чтобы мы встали наконец на путь восстановления. В то время я много поколесил по свету, утешая и поддерживая тех, кто впал в глубокое отчаяние. Берлин погряз в преступности. Новый Орлеан затопило водой, Киев вообще исчез с лица земли... Наступит ли этому конец?

Казалось, израненный, перенаселенный мир получит достаточно шансов, чтобы воспрянуть, встать на ноги. И я старался изо всех сил – часто в совершенно невозможной атмосфере, среди потерявших кров во время войны бездомных, в загаженных всевозможными выбросами городах, окруженный переполненными яростью людьми, – старался расшевелить разлапистый правительственный аппарат. Снова и снова я ездил по городам Земли, чтобы меня видели, слышали, прикасались ко мне – в полную противоположность моему предшественнику, Генсеку Кану.

Во внешних сношениях я восстановил контакты со многими колониями – недовольными, что их забыли в самый важный момент, когда безжалостные космические рыбы атаковали многие дальние поселения. Я изменил обменный курс в их пользу, чтобы поддержать и промышленность, и торговлю.

И повсюду я говорил только правду, проводил последовательную политику, благодаря которой и заслужил безграничное доверие всего мира.

И тем не менее так много вопросов я решал не правильно.

– Полагаю, что в определенном возрасте, – сказал я, – мы все мечтаем снова стать молодыми, чтобы впереди снова оказалась вся жизнь. Во мне же происходит нечто иное. Чего я действительно хочу – так это повернуть вспять время, чтобы стать другим человеком. Но это невозможно, и оттого я схожу с ума.

– Кто-то нашептывает ему. – Алекс говорил в стену, словно боясь встретиться со мной взглядом. – Если кто-то и может гордиться тем, кем он стал, так это он.

– Последними деяниями мне гордиться не приходится.

– Ба! Да вы и никогда не гордились.

– Те действия, которые вы называете героическими...

– Вы так же ошибаетесь относительно себя, как и всегда, – заметил Джеренс.

– Чушь все это. Я помню, что обзывал тебя мальчишкой, но что касается «Трафальгара»...

– Господи, черт подери, да послушайте же меня! – повысил голос Бранстэд. Я изумленно вскрикнул при его богохульстве, но он не обратил на это никакого внимания. – Где бы я был, если б не вы? В могиле или в колонии, сидел бы за решеткой за наркотики.

Еще подростком он оказался в плену у наркотиков, его мучили сильные судороги, пока я не освободил его от этого кошмара. Перед моим мысленным взором возник четырнадцатилетний мальчишка, на корабле «Виктория». Чтобы успокоиться, он положил ладонь на мою руку. «Клянусь своей бессмертной душой, что никогда... не буду принимать... снова наркотики». Джеренс тогда разразился рыданиями: «Это было так трудно, мистер Сифорт. Так трудно!»

Но он сделал это. И прожил жизнь, которой можно гордиться.

– А я? – тихо сказал Алекс. – Если бы не вы, мистер Сифорт, кем бы я был?

– Тем же, кем и сейчас. Справляющимся со всеми трудностями, преуспевающим офицером...

– Вы научили меня, как стать офицером. И потом снова учили.

– Алекс, я совсем немного мог сделать... Он снизил голос почти до шепота:

– Не развенчивайте того человека, которым вы стали для меня. И которым все еще остаетесь.

Я воздел руки к небу:

– Не знаю, что и сказать.

Арлина нерешительно подняла руку, как ученик в школе.

– Ты понял, что был не прав, и теперь сожалеешь о сказанном?

«Господи, разве я заслуживаю таких преданных друзей?»

Я склонил голову в поклоне.

Через час, когда все разошлись, Арлина села напротив. Она устало посмотрела на меня.

– Ник, бога ради, скажи, что тебя гнетет? Нет, не отводи глаз. Настало время нам... – Она сглотнула. – Расскажи мне.

– Это... – Сердце у меня заколотилось.

– Говори.

– Это женщина. Я... влюбился.

На мгновение ее глаза закрылись, словно от невыносимой боли. Потом прозвучало решительное:

– Она красивая?

Я внимательно посмотрел на нее, размышляя, сколько мук она еще вынесет.

– Да. Господи, да. – Раздался слабый стон. – Голубые глаза, золотисто-каштановые волосы.

– Ты давно ее знаешь? – резко: спросила Арлина.

Я сделал над собой усилие, чтобы отразить ее взгляд. Эта встреча была удивительным чудом. – У меня запершило в горле. – Я ненавижу себя за то, что не сделал для нее больше. Я полюбил ее, когда мне было шестнадцать, и до сих пор не знаю, что бы делал, если б...

– О, Ники! – Она перелетела через ковер и упала мне в объятия.

Я обнял ее, вдыхая аромат ее тела, прислушиваясь к стуку ее сердца.

– Прости, любовь моя. Я очень сожалею. – Я был не в силах сказать еще хоть слово. – Так сожалею...

«Галактика» – если смотреть из иллюминатора «Хилтона», – по правде разочаровывала. Она казалась огромной, но дело было не в размере. Ее огни светились примерно в километре от орбитальной станции – она не была пришвартована, а просто висела рядом в пространстве.

«Галактика» была слишком громоздкой, чтобы ее прикреплять к станции обычным способом: она бы заняла пять обычных стоянок. А специальные причалы для нее и для другого такого же корабля еще не были закончены. «Небольшая неувязочка», – как все говорили.

На корабле имелись четыре катера и две космические шлюпки, чтобы перевозить туда и обратно пассажиров. Определенные на него гардемарины, помимо всего прочего, должны были благодарить судьбу за то, что им предоставлялась возможность совершать полеты между станцией и кораблем.

И правда, как раз в этот момент подлетала космическая шлюпка, светясь зелеными и белыми огнями. Выглядевшая совсем крошечной рядом с «Галактикой», она держала курс на орбитальную станцию.

Мы с Алексом и Арлиной перешли на катер «Галактики» через один из флотских шлюзов. Ночной отдых не изменил моего мнения, что на банкете по поводу вручения премии Бона Уолтерса я вел себя подобающим образом. Жаль было только, что я не разобрался со своими ощущениями раньше и загодя не отказался от этой награды.

Какой-то идиот собрал журналистов, когда мы собирались покинуть станцию, и их громкие вопросы еще долго звенели у меня в ушах.

– Господин Генеральный секретарь, вы встречались с избирателями?

– Как долго вы планируете...

– Можно ли считать это началом вашей предвыборной кампании?

– Вы хотели этим подать пример Ассамблее?.. Задвинувшийся люк подарил нам благоденственную тишину.

Вскоре мы приблизились к «Галактике», и наш пилот сбавил скорость. В этот момент из-за корпуса выплыла космическая шлюпка и двинулась к станции.

Я затаил дыхание. Приближалась не шлюпка, а другой катер, в несколько раз большего размера. Это значило...

И вдруг я увидел истинную «Галактику». Если ее катер выглядел рядом с ней, словно москит на спине бизона, она была подлинно гигантской. Я прижался лбом к иллюминатору, сисясь

постичь величину корабля. Наконец я откинулся назад, «переваривая» увиденное. Арлина взяла меня за руку.

– Что бы я отдал за то, чтоб на ней летать, – промолвил Алекс.

Я согласно кивнул. Ради этого любой капитан отдал бы свою правую руку на отсечение. Я снова задумался: что повлияло на решение Адмиралтейства остановить свой выбор на Стангере? Возможно, мне надлежало принять в этом более активное участие. «Галактика» была крупнейшим кораблем Флота, самым большим из когда-либо построенных. Сравниться с ней могла только ее сестра «Олимпиада», еще не готовая к полетам.

Словно прочитав мои мысли, Алекс сказал:

– На эти деньги можно было бы построить десяток: кораблей. – Я кивнул. – Что ж, она, несомненно, остудит некоторые горячие головы. – Он повернулся к иллюминатору. – Прошу прощения, нечего мне вмешиваться в политику.

– Что ты говоришь, Алекс? – фактически поощрил я его продолжать.

– Наверное, и вы слышали кое-какие разговоры. О том, какая судьба ожидает Флот. Налаживание отношений с колониями. С этими неблагодарными отпрысками Земли, которые теперь вроде мусора. – Его глаза всматривались в маячивший вдали корпус корабля. – Господи, какая громадина.

– И как будет «Галактика»...

– О, просто наведываясь туда. Незаявленная угроза, но, ежели возникнет надобность... –

Он сделал выразительный жест.

– И много таких разговоров?

– Достаточно. Мне не хотелось бы выступать в роли распространителя слухов. – Он выразительно крутнул кистью руки. – Всего лишь... мол, стали мы так зависеть от импорта... И ребята нервничают. – Он улыбнулся. – А у капитанов при долгих полетах столько времени для размышлений.

Я знал, что так оно и есть.

– Посмотрите, сэр, причальные камеры для катеров открыты. Корабль такой большой, что места для стоянки едва можно охватить глазом.

Я вместе с ним приник к иллюминатору. Арлина молча наблюдала за нами, ее лицо хранило бесстрастное выражение.

Пилот начал маневрировать и тормозить.

Скоро наш катер подлетел к причальной стойке. Наконец замки щелкнули, и массивная наружная крышка шлюза за нами закрылась. Мы немного подождали, пока давление нормализовалось. Обычно на всех кораблях имеется шлюз между причальной камерой и рабочим пространством, но здесь кому-то не захотелось держать пассажиров, как баранов, в шлюзе, если этого можно было избежать, поэтому причальная камера в норме сама наполнялась воздухом.

Мы выбрались наружу и вышли через люк в коридор третьего уровня.

– Смирно! – прогремел громкий голос. Двадцать два одетых с иголочки офицера замерли в строю. Капитан Стангер, возглавлявший их, отдал честь, как это принято в Академии. Против воли сердце мое забилося чаще.

– Вольно, джентльмены.

Стангер строевым шагом вышел вперед:

– Добро пожаловать на «Галактику», господин Генеральный секретарь.

– Благодарю вас.

Я осмотрелся. Все кольцевые коридоры на космических судах имеют дугообразную форму, но «Галактика» даже отдаленно не напоминала ни один из виденных мною прежде кораблей. Ее диски были намного шире, чем можно было ожидать, и это создавало ощущение необычной грандиозности и роскоши.

Глаза Арлины засверкали:

– Боже ты мой!

Ее благоговение было мне понятно. Обычно коридоры кораблей Флота красились в серый цвет, но здесь они были отделаны роскошными панелями под дерево с поразительным количеством витиеватых украшений. Иллюминаторы обрамлялись золотыми ободками.

Возмущенный, я опустил глаза. «Ковры? В коридорах на палубе?» Коридоры на других кораблях были выстелены панелями с заклепками. Всегда.

– Мы на третьем уровне, сэр. Это царство пассажиров. Уровень номер один самый большой – на таком вам еще не доводилось побывать.

Я зашаркал ногами по неприлично мягкому покрытию. Но через несколько мгновений расслабился настолько, что усмехнулся Арлине.

– Это что-то, ты не находишь? – Я почти перестал жалеть о расходах на постройку корабля.

– «Гибернии» рядом с ней было бы стыдно, – повернул Алекс.

– Хм-м-м. – Преданность старому кораблю заставила меня нахмуриться.

Офицеры выглядели подозрительно молодо. Мои глаза забегали по их нашивкам в поисках знаков долгой службы.

– Господи, сколько же гардемаринов будут спать на здешних койках?

– Одиннадцать, сэр.

– И все в кают-компании?

– Не совсем так. Мы называли так одно помещение, но оно делится на две части.

У первого гардемарина было бы полно забот, даже если б «Галактика» была размером с те корабли, которые я знал раньше. В свое время я обнаружил, что даже три гардемарина в подчинении – серьезное испытание. А когда их десять...

– Кто у вас первый?

– Мистер Спик, шаг вперед.

Из строя вышел долговязый парень и отдал честь:

– Гардемарин Эдвин Спик, сэр.

Я взглянул на его знаки отличия. Шесть лет. Достаточно опыта. Но почему он все еще не лейтенант? Хотя шесть лет – в среднем не такой уж великий срок. Годом раньше, годом позже...

Капитан Стангер представил одного за другим своих лейтенантов, каждый из которых, казалось, горел желанием пожать мне руку. Интересно, сколько из них будут хвастаться таким рукопожатием, когда патриархи публично выскажут мне свое недоверие.

– Пройдемте на капитанский мостик, сэр?

– Пожалуйста.

Надо было мне раньше обсудить все детали визита. Даже будучи Генсеком, я не имел права командовать на корабле Стангера – на Флоте жестко следуют требованиям устава. Стангер и его команда оказывают мне почести исключительно из вежливости, а не по обязанности.

На корабле возможен только один капитан, и в данном случае это был Стангер. Никакое гражданское лицо – будь он хоть военный советник или даже глава правительства – не может отдавать прямые приказы на корабле. Даже адмирал должен все согласовывать с капитаном, который один отвечает за космолет. Единственное право адмирала – отстранить провинившегося капитана, но даже он не может оспаривать приказы последнего.

И устроено это было правильно. На Флоте выработали абсолютно верную иерархию.

Строго говоря, я мог заставить команду «Галактики» делать то, что мне нужно. Но для этого мне требовалось направить директиву в Адмиралтейство, после чего мои приказы прошли бы фильтрацию, передаваясь по цепочке начальников. Конечно, на деле всякая моя просьба будет воспринята как приказ. Никакой моряк в здравом уме не примется спорить с Генсеком.

Мы двинулись по коридору, несколько офицеров последовали за нами.

Как и любой другой корабль, «Галактика» состояла из дисков-уровней. Представьте себе несколько кругляшей наподобие кусков мыла, поставленных один на другой. Картину дополняет старомодный карандаш, пронизывающий эти диски посередине. Часть этого карандаша, выходящая наружу, соединена с огромными хранилищами, которые обеспечивают корабль всем необходимым. На корме, внизу дисков, располагаются двигательные установки, которые генерируют N-волны, перемещающие корабль в пространстве. А в дисках работает команда и располагаются пассажиры.

Большинство космических кораблей имеют два диска или три. На «Галактике» их было шесть, один больше другого. Внутри каждого диска проходил кольцеобразный замкнутый коридор, формально разделенный на западную и восточную части. Диски соединялись лестницами, которые по флотской традиции называли трапами.

– Я чувствую... – Но это нельзя было сказать вслух, даже Арлине. На этом корабле я чувствовал себя как дома гораздо больше, чем в своей Генсековской Ротонде.

Почему нельзя вернуть то, что некогда было в нашей жизни? Почему я когда-то отказался от карьеры капитана? Я вздохнул.

Стангер неожиданно остановился у иллюминатора, нажал на кнопку. Гардемарины между тем протопали дальше, пока не скрылись за поворотом.

Люк открылся. Я издал возглас удивления:

– Лифт? На корабле?

– В первую очередь для пассажиров. Вспомните, у нас шесть уровней. – Он улыбнулся. – Гардемаринам в лифт вход воспрещен.

– Хочется надеяться.

Что станет с Флотом, если гардемарины будут разъезжать с уровня на уровень в лифте? Ну, в мои-то дни...

– Зайдем?

– А нельзя пройти обычным образом, – немного рассердился я.

– Нет необходимости, сэр. Тем более... – Он покосился на мою трость.

Нет уж!

– И я пойду пешком, как они. – Я заковылял по коридору.

Трап оказался дальше, чем я думал. А подъем на второй уровень оказался не таким, как обычно. Сжав зубы, я поднимался по ступенькам, крепко держась за перила. Однако по ходу подъема неприятное ощущение понемногу рассеивалось. А когда мы оказались наверху, я чувствовал себя почти в полном порядке.

Стангер словно прочитал мои мысли.

– У нас три гравитационных устройства. Они все работают, но я уменьшаю нагрузку. Примерно до трети земного тяготения. Так полезнее для здоровья.

– Разве?

– Мне так больше нравится, – пожал плечами Стангер.

Как капитан он мог делать это по своему усмотрению. Уменьшенная гравитация довольно приятна, если ее хоть раз попробуешь. Довольно необычно: на кораблях вроде «Гибернии» можно было установить только одну величину тяготения.

Мы поднялись на первый уровень. Он оказался, как и предупреждал Стангер, больше, чем я ожидал увидеть. Серый потолок, выстеленная металлическими пластинами палуба. Все продумано. И, на мой взгляд, удобно.

Пройдя немного по коридору, мы приблизились к капитанскому мостику. Стангер открыл толстый люк.

Мостик напоминал крепость. Он закрывался изнутри, и взломать замки снаружи было невозможно.

Дежурный офицер вскочил со своего места и замер по стойке «смирно».

– Вольно. – Стангер автоматически пробежался глазами по экранам компьютеров. Мое внимание привлек большой монитор, установленный наверху. Как и на моей «Гибернии», он обеспечивал вид на звезды, как если бы смотреть на них с носа корабля. Но прежние мои корабли обычно не стояли у орбитальной станции. Зрелище открывалось фантастическое. У меня перехватило дыхание.

– Господин Генеральный секретарь, мистер Сифорт – первый лейтенант Гарроу.

Я хрюкнул что-то в ответ, все еще прикованный к горящей огнями станции.

– Большая честь познакомиться с вами, сэр.

– Разумеется... – Через мгновение я заставил себя оторваться от монитора, осознав, что я сказал. – То есть я имел в виду... – Я покраснел. – Простите. Давно на корабле, лейтенант?

– Прибыл две недели назад с «Севильи». Я постарался сосредоточиться.

– Там служила бывшая команда капитана Стангера, – добавил он, и этим все сказал.

Стангер медленно подошел к люку:

– Я взял Гарроу с собой. Хороший парень. Не хотите ли совершить небольшую прогулку, господин Генеральный секретарь?

– С удовольствием.

Неохотно, оглядываясь назад, я вышел с мостика. Нас сопровождали два гардемарина – очевидно, по приказанию капитана.

Обеденный зал на втором уровне был донельзя элегантен. Его отделка подошла бы для дорогого французского ресторана в Лунаполисе. Мы с Алексом обменялись скептическими взглядами.

– Довольно изысканно, – заключил он.

Я попытался пересчитать столы. «Галактика» вмещала три тысячи пассажиров...

– Мистер Стангер, я полагаю, люди обедают не по очереди?

– Нет, здесь только первый класс. Большинство пассажиров обслуживаются во втором зале внизу. Мы...

– Первый класс?! – взорвался я.

За годы моей службы на Флоте я крепко усвоил одну вещь: экипаж живет на корабле в таких же условиях, как все пассажиры. Хотя некоторые толстосумы и имеют возможность покупать себе дополнительные удобства – например, устраивать вечеринки и приемы, – все каюты делаются одного размера, и кормят всех одинаково.

– На самом деле это не разные классы, сэр, это...

– Почему мне об этом ничего не сказали?

– Не знаю, сэр.

– Покажите мне другой обеденный зал.

В мрачном молчании мы спустились по трапу на два уровня ниже.

Алекс хмуро оглядел тесно поставленные столы, ряды простых стульев:

– И это называется «не разные классы»?

– Непозволительная разница, – возмутился я. По сравнению с кичливым убранством зала наверху этот выглядел бедным и мрачным.

Арлина сделала мне предупреждающий знак, но, судя по глазам, ее обуревали те же чувства, что и меня.

– Надо будет нанести визит в Адмиралтейство, – покачал головой я. Потом повернулся к капитану Стангеру:

– Надеюсь, каюты абсолютно однотипные?

– Между ними есть небольшие различия, – ледяным тоном ответил Стангер. – Смеею напомнить, господин Генеральный секретарь, что не я был архитектором корабля.

Но я был далек от того, чтобы смягчиться:

– Вы, конечно, обедаете на втором уровне?

– Это ближе к капитанскому мостику.

– Ничего другого и нельзя было ожидать. – Мой тон становился все более презрительным. Два гардемарина обменялись взглядами.

– Полегче, сэр, – коснулся моей руки Тамаров.

– Это же возмутительно.

Алекс с Арлиной были правы: Стангера особенно порицать было не за что... хотя этот капитан даже не стыдился всех этих, более чем странных порядков. Впрочем, достаточно того, что я выставил его в дурном свете перед подчиненными гардемаринами. Во имя дисциплины на корабле мне следовало умирить свой пыл.

– Вам нет необходимости ходить со мною по всему кораблю. Хватит и гардемарина. Оставайтесь здесь. Спик, как вы? Не возьмете ли на себя труд проводить меня в двигательный отсек?

– С разрешения капитана.

Немного грубовато, но, по сути, верно. Это корабль Стангера, а не мой.

Стангер кивнул в знак согласия. Потом повернулся ко мне:

– Вы не пообедаете с нами перед отлетом?

– Нет, благодарю вас. Нам нужно успеть на шаттл. Это было не совсем так: наш шаттл, отряженный для полета на церемонию Бона Уолтерса, готов был ждать нас столько, сколько потребуется. Орбитальная станция висела на геостационарной орбите, и нам не надо было ловить какие-то особенные моменты ее расположения над Землей. Однако я сильно сомневался, что мне доставит удовольствие трапеза в роскошном зале наподобие отеля-люкс.

Лицо капитана окаменело:

– Как вам угодно. Но я скажу поварам, чтобы они были наготове. – Он еще раз отдал честь и ушел.

Возможно, гардемарин Спик затаил на меня обиду за то, что я выказал нерасположение к Стангеру. Он был подчеркнуто холоден во время нашей прогулки. Это настолько меня раздражало, что после осмотра двигательного отсека я попросил продолжить обход. Арлина осматривала все с интересом: она несколько лет была лейтенантом на одном из известных космических кораблей.

– Сюда, сэр, – угрюмо сказал Спик.

Что ж, если у него такие манеры, неудивительно, что он все еще не лейтенант.

Гардемарин провел нас в отсек связи, впечатлявший множеством аппаратуры, экранов и сенсоров. Потом мы прошли в элегантный пассажирский салон, уставленный бронзовыми статуями. И с каждым шагом меня одолевало все большее беспокойство, я убеждался, что Флот совершает трагическую ошибку.

«Галактика» ошеломляла, это было несомненно. Но флот занимается перевозками, а не отельным бизнесом. Полет может длиться и больше года – вояж «Галактики» к новой колонии Константинии, например, займет полных девятнадцать месяцев. В таком дальнем путешествии различия в классах неминуемо будут усиливаться, и это не приведет ни к чему хорошему. Возмущение будет нарастать день ото дня, и эта гноящаяся ранка может неизвестно к чему привести.

– А где у вас вода?

Несмотря на вместительные хранилища, жизнь на корабле зависит от того, сколько продукции выходит из гидропонных камер.

– Ниже, на шестом уровне, – небрежно бросил Спик. Я устремил изумленный взгляд на Алекса – он тоже обратил на это внимание. У гардемарина от раздражения даже округлились глаза. Алекс покачал головой. Я знал, о чем он думает: на «Мельбурне» или, если на то пошло, на любом моем корабле гардемарин, выказавший подобную непочтительность, тут же был бы

подвергнут аресту. Что ж, на «Галактике» команду подбирал Стангер. Не резон мне вмешиваться.

Оставляя за собой одну каюту за другой, мы по роскошному коридору прошли к камерам гидропоники. Мои колени болели все сильнее. Мы миновали шлюз, один из полудюжины на корабле. Два матроса ждали включения зеленого разрешающего света, такие неуклюжие в своих скафандрах.

– А это еще зачем? – спросил Алекс.

– Помощники машиниста, сэр, – холодно ответил молодой гардемарин. – Полагаю, они проверяют сенсоры.

– Есть проблемы?

– Четыре сенсора внешних шлюзов не в порядке. Такое частенько случалось, особенно на новых кораблях. Вот почему «Галактика» так долго болталась рядом с Землей после ее официальной приемки комиссией.

Спик покачал головой:

– Бракованные флотские поставки.

Я с трудом сдержался, чтобы не нагрубить ему в ответ.

Мы осмотрели ряды помидоров, бобов и зелени в восточной гидропонной камере. Я обошел все, на что хватило сил. Потом мы направились в сторону обеденного зала. У причальной камеры на третьем уровне я открыл внутренний люк.

– На этом и закончим, мистер Спик. Алекс, кашлянув, обратил на себя внимание:

– Гардемарин, пожалуйста, передайте мистеру Стангеру сообщение.

– Да, сэр? – застыл в готовности гардемарин. Голос Алекса сделался жестким:

– Скажите ему, что капитан Тамаров возмущен вашим поведением и оставляет решение вопроса об этом на его усмотрение.

– Да, сэр, – едва не поперхнулся гардемарин.

Я про себя присвистнул. Мальчишка этого заслужил. Двадцатилетний, он был уже не в том возрасте, чтобы его подвергали телесным наказаниям, но схлопотать несколько нарядов мог вполне. Будь я капитаном, он получил бы у меня на полную катушку, все десять нарядов, за то, что вел себя непочтительно с гостем капитана. А каждый наряд означает два часа физических упражнений.

Я бы не стал со всем этим связываться, но Алекс оказался настроен далеко не так миролюбиво. Что ж, прослужив столько лет на кораблях, он привык к дисциплине. Несомненно, на «Мельбурне» у него был полный порядок, хотя он считался одним из самых добросердечных капитанов, которых я только знал.

Я все еще оставался в нерешительности. Я первый вызвал возмущение Спика, грубо обойдясь со Стангером. Тем не менее сам бы я не возражал против порки десятка гардемарин и не стал перечить своему самому давнему другу. Я понимающе посмотрел на Алекса:

– Ваше возмущение вполне обоснованно, капитан Тамаров. – Я холодно взглянул на несчастного гардемарина:

– Скажите мне, мистер, э-э... Спик. Вы хотите когда-нибудь стать капитаном?

– О-о... Я... – Это было сокровенной мечтой каждого гардемарина. – Да, сэр.

– А если один из ваших гардемарин – неважно, как вы к нему относитесь, – будет вести себя непочтительно, начнет выразительно вздыхать, выкатывать глаза... Вам это понравится?

– Нет, сэр. – Он покраснел.

– А если это будет делаться в присутствии заслуженного капитана и Генерального секретаря ООН?

– Нет, сэр. – Бедняга покрылся потом.

– Возможно, вас огорчило, что я был резок с капитаном Стангером?

– Я... ничего такого... это меня не касается, сэр.

– Ну-ну. – Мой взгляд смягчился. – Возможно, я смогу повлиять на мистера Тамарова, чтобы он отменил свой приказ.

Алекс сердито кивнул.

– Отлично, докладывать что-то об этом недоразумении капитану Стангеру нет необходимости. Но вы, молодой человек, задумайтесь над всем этим.

Благодарность мальчишки была безмерной:

– Обязательно, сэр. Спасибо вам, сэр. Пожалуйста, простите меня.

– Хороший парень. – Я отдал честь, хотя это не входило в число моих привычек. Гардемарин вмиг вытянулся и ответил мне.

Мы молча вошли в шлюз.

– Жаль, что меня не было на банкете. – Дерек Кэрр, расположившись на мягком голубом диване в гостиной моего вашингтонского дома, неспешно потягивал из рюмки. – После того как вы покинули зал, журналисты совсем потеряли голову. Никогда не слышал столько вздора в сетях. – Его пронзительные голубые глаза встретились с моими. – Хотя вам не следовало этого делать.

– Я должен был.

– Почему? Потому что вы не совершенны?

– Далеко от совершенства.

Арлина сидела напротив рядом с Алексом. Они никогда вместе не служили, однако встречались при других обстоятельствах несколько лет назад. Действительно, во время восстания переселенцев мы вместе с Алексом и его женой Мойрой искали Филипа. У них тогда был один ребенок, и появление на свет второго только ожидалось.

Я снова пожалел, что Фити нет с нами, но сын ответил коротко на мой запрос: дескать, ему нужно время, чтобы переварить мною сделанное. Я знал, что мой отказ от премии Бона Уолтерса больно его ранил, хотя и не понимал, почему.

Алекс потягивал свой виски:

– Я не слежу за новостями. Что там пишут?

Дерек усмехнулся:

– Прежде всего что у Генсека поехала крыша и ему пора в отставку. Но потом журналисты узнали, что думают избиратели.

– И?

– Я бы сказал, что ему это сойдет с рук. Газетчики стали писать о его нравственной чистоте, об отказе пойти на компромисс, о его...

– Итак, господин Генеральный секретарь. – Алекс отсалютовал мне бокалом. – Вы пока еще сохраняете свое кресло в Ротонде.

– Нет. – Настала пора все им сказать. – Через несколько дней меня там не будет.

Арлина молча посмотрела на мое лицо, ожидая продолжения.

– Я... тут такое дело... видите ли... – Я не знал, что это будет так трудно. Я глубоко вздохнул, – Патриархи собираются изъять мне недоверие.

– Почему?

– Из-за Флота. В связи с колониальной политикой... Нет, не в этом дело. Суть в том, что я отказался поддерживать Церковь Богоматери. Они хотели, чтобы я поставил колонии в экономическую и политическую зависимость от нас, но я отказался. Но вы понимаете: они правы. Они должны были так поступить. – По какой-то необъяснимой причине мои глаза повлажнели. – Они же представляют Господа Бога. Только неразумный человек может оспаривать Его волю.

Но вы-то не такой. – Алекс поставил на стол свой бокал. – Сэр, у них нет права...

– Замолчи! – Я хлопнул ладонью по столу. – Ни слова больше! – Он был близок к богохульству и, может статься, осуждению на вечные муки.

– Нет. – Алекс виновато улыбнулся. – Мы решим этот вопрос, вы и я. Я достаточно опытен, и я капитан. Я отвечаю за свои действия. Если патриархи проклянут вас, они будут не правы. Только и всего.

Дерек заерзал на диване:

– А Бранстэд знает? Он не собирается что-либо предпринять? Предать гласности кое-какие...

– Он ничего не знает, и мы никогда на это не пойдем, – жестко ответил я. – Они вправе осуществлять контроль надо мной. И даже... Нет, позвольте мне закончить! Даже если предположить, что они ошибаются, – если вы думаете, что я могу поднять на них руку, значит, вы меня совсем не знаете.

В ответ последовало молчание.

– Кроме того, – продолжил я более уверенно, – скоро мне все равно уходить в отставку. Вы не представляете, насколько мне хочется со всем этим развязаться.

Арлина резко встала и пошла к дверям.

– В чем дело, дорогая?

– Пойду сделаю чай. – Она скрылась в коридоре.

– Прошу прощения. – Возможно, она и правда захотела чаю, но дело было не только в этом. Я последовал за женой. – Ну, в чем дело?

– Ни в чем, Ник. У тебя и так достаточно неприятностей. – Она поставила керамический сосуд в микроволновку. – Подождем, пока закипит.

– Продолжай, дорогая.

– Отставка.

– Я давно об этом мечтаю.

Она оценивающе посмотрела на меня:

Ты уже много лет об этом говоришь. А что ты на самом деле думаешь?

– Что? Как ты могла... Я всегда мечтал о...

– Давай разберемся. В тот вечер, когда ты, на вершине башни Франджи, объявил о соглашении снова участвовать в выборах, в твоих глазах были слезы. Когда все изменилось?

– Ничего не изменилось!

– Поклянись! Поклянись именем Господа!

– Конечно, я клянусь. Я...

– Скажи эти слова.

– О, Арлина... Именем Господа Бога нашего я клянусь тебе, что я стремлюсь... – Я запнулся.

– Вода кипит... Микроволновка отключилась.

– Не знаю, когда, – пробормотал я. – До сегодняшнего вечера я не осознавал... – Я встретил ее взгляд. – Мне нравится быть Генсеком. Я хочу остаться в своем кресле. Мне нравится власть. И я для этого подхожу: умею принимать решения и умею реализовывать их. Это похоже на то, как быть капитаном: когда я говорю, все замирают. Господь свидетель – такова истина. – Я горько улыбнулся:

– Видишь, во что я превратился?

– Важно, что ты сам это видишь.

– Почему?

– Потому что ты умеешь добиваться того, чего хочешь. Давай поборемся с ними.

– Нет. Скажи мне, чего ты хочешь?

– Чашку чаю. – Она занялась чайником. – Ладно, это не совсем честно. Я надеялась, что ты уйдешь в отставку, потому что ты сам этого хотел. Сама я в любом случае найду дело в жизни, Ник. – Вдруг глаза ее наполнились слезами. – Всегда со мной так.

– Родная!.. – Я придвинулся к ней поближе. Она отстранила меня ладонью:

– По правде говоря... Ты любишь меня, я думаю, хотя иногда я в этом не уверена. Но ты во мне не нуждаешься. Я всегда была чем-то занята. Растила Филипа, и это было чертовски приятное занятие. Как и для тебя – мы были хорошими родителями, разве не так? Жаль, что он уже не мальчик.

Она глотнула чаю, и лицо ее сделалось серьезным. – Я играла роль первой леди, когда это было необходимо. Я много читала, снова занялась учебой. Ты знаешь, как я гордилась своими успехами в докторантуре. – Она замолчала, вспоминая...

– Арлина...

– Но в течение многих лет... Я только проводила время. У меня было несколько друзей, но немного... – Она уставилась в чашку. – Поэтому будет к лучшему, если мы покинем Ротонду. Все в порядке. Это только... «Галактика» напомнила мне о моей службе на «Веллингтоне» и о том, каково смотреть на корабль другими глазами. Напомнила о той жизни, которой я лишилась.

– Ты тоже? – прошептал я.

– Больше, чем ты когда-либо мог себе представить. – Она подняла свою чашку, поставила на стойку и снова села. – Проклятье! Извини. Но – черт возьми! – Она направилась к выходу. – Пожелай мне «доброй ночи!».

– Мила...

– Пожалуйста, Ник! – И она вышла.

– Букер как в воду канул. – Марк Тилниц нахмурился. – Мы все обыскали. Флотская разведка ведет охоту, служба безопасности ООН проверила все что можно.

– И? – Я хлопнул рукой по столу, жалея, что собрание происходит не в моей удобной Вашингтонской резиденции, но я надеялся, что официальная обстановка Ротонды заставит секьюрити действовать более энергично.

– Мы все трудимся не покладая рук, – сказала Карен Барнс, – но пока ничего не нашли.

Генерал Доннер выглядел рассерженным. Как глава службы безопасности ООН он был по статусу начальником Марка, однако прекрасно понимал, что на самом деле Марк ответствен только передо мной.

– Мы тщательно проанализировали оба манифеста и пришли к выводу, что они написаны одним человеком.

– Большое достижение, – саркастически заметил я и тут же пожалел о сказанном.

– Убитый в шаттлпорту был Брайан Келтек, – сказал Тилниц. – Он из Ванкувера, рабочий-металлург компании «Шелл». Одинокий, никого из родственников в живых нет. Отец был рыбаком, пока на севере Тихого океана еще ловили рыбу.

– Гибель рыб – не наша вина. Всемирное потепление неизбежно должно было вызвать повышение температуры воды.

«Почему я словно оправдываюсь?»

– Большинство ученых с вами согласны. Семь лет назад Келтек стал сотрудничать с Советом по защите окружающей среды. – Марк пристально посмотрел на меня.

– Это важно.

«Так и есть. Уинстед возглавляет целую банду психов». Капитан Бин из службы безопасности ООН спросил:

– А у этого Келтека были друзья? Приятели?

– Соседи. Но они, по сути, ничего не сказали.

– Послушайте-ка, – едко заметил я, – человек не может бесследно исчезнуть, если только не станет бродягой. Есть же записи в отелях, дорожные чеки, денежные счета...

– Не надо учить меня, как мне делать свою работу, – взорвался Доннер. – Мы всем этим занимаемся.

– А кто знал, что Генеральный секретарь собирается посетить Академию? – требовательно спросил капитан Бин.

– Мы это выяснили, – сказал Тилниц. – Начальник Академии, два его лейтенанта и охрана Генсека. Журналисты ничего не знали, пока мы не отправились в путь. Это обычная практика.

– В манифесте Лиги экологического действия упоминается о пребывании Генсека в Академии. Значит, произошла утечка информации.

Я потерял виски, надеясь снять начинавшуюся головную боль.

– Да любой мог узнать, – пробормотал я. – Если мы рассказали журналистам...

– Надо узнать, кто из них сочувствовал «зеленым», – мрачно заметил Марк. – Мы это проверим.

– Это нонсенс. – Я выключил свой голографовизор. – У этих ребят из экологической лиги просто поехала крыша. Они словно явились из каких-то прошлых веков. В наше время не может быть никакого терроризма.

– Понимаю, сэр. Возможно, мы вообразили и винтовочные выстрелы. – Тилниц уверенно встретил мой взгляд.

Я подавил желание сорваться на крик:

– А что с этой машиной в шаттл порту? Кто ее водитель?

– Электромобиль был угнан утром накануне нападения. Никаких зацепок. Мы занимались этим вопросом, помимо отпечатков пальцев и ДНК, но все, что нам удалось, – это найти владельцев машины.

– Отыщите эту экологическую лигу. Мы теряем время.

– Время? – Марк выглядел озадаченным. – Почему это?

Я выругался про себя. Никто в этом кабинете не знал о грозящем мне вотуме недоверия со стороны церкви, и я не мог им рассказать. Только напугав их, я мог ускорить дело.

– Лига экологического действия может предпринять новую атаку, – сказал я. – Хуже того, каждый день промедления означает для всех, что мы не можем поймать преступников. Мы же не в какой-то полудикой колонии, а на самой Земле. – Я встал. – Встретимся снова через два дня. Я хочу иметь результаты.

Огромный реактивный самолет подлетал к Нью-Йорку. Это было третье мое путешествие за неделю. «Можно было и не улетать отсюда», – с неприязнью подумал я.

Чарли Витрек, мой гардемарин, сидел напротив нас, читая голографическую газету. Выглядел он, как всегда, безукоризненно.

Алекс с комфортом расположился рядом со мной. Он сказал, что повидался с Мойрой, и теперь я знал: вернулся он, чтобы оказать мне моральную поддержку в поединке с патриархами.

Дерек тоже мог к нам присоединиться, но, учитывая отношение патриархов к колониям, лучше было не рисковать. Один Господь знал, что могло прийти в голову патриархам, если бы они его увидели.

Благодаря моим хлопотам планета Надежда больше не являлась колонией. Правительство Дереката отстаивало свою независимость при нескольких Генсеках, несмотря на давление со стороны церкви. Если патриархи будут продолжать гнуть свою линию, возможно, «Галактика» в один прекрасный день окажется над Централтауном, посверкивая лазерами, чтобы взять под контроль этот свободолюбивый народ. Я вздохнул.

– Что-то не так, сэр? – спросил Алекс.

– Это не может больше оставаться только моей проблемой.

Последовало недолгое молчание.

– Иногда вы выражаетесь слишком витиевато даже для меня.

Чарли, сидевший напротив, многозначительно кивнул.

Мне не удалось сдержать улыбки:

– Я имел в виду Надежду.

– А чем вы займетесь после вашей, хм, отставки?
– Когда мне выскажут недоверие? Буду путешествовать, думаю... Если мне позволят.
– Сэр, я понимаю, вы обеспокоены, что они могут...
– До каких пор ты будешь называть меня «сэром»? У тебя больше заслуг, чем когда-либо было у меня.

– Может, мне лучше обращаться к вам «господин Генеральный секретарь»?

– Ник.

Секундная пауза.

– Я никогда не обращался к вам так.

– Начни сейчас.

– Не думаю, что у меня получится. – Он махнул своим стаканом стюарду, подождал, когда ему нальют еще. – Это было бы кошунством.

Я нахмурился. Подобные слова здесь определенно неуместны.

– Вы никогда не переставали удивлять меня, вы это знаете, – продолжил он и пригубил из своего стакана. – Будь вы помоложе, вы бы такое устроили этому гардемарину Спику, что он бы вовек не позволил себе подобных грубостей, – Он уставился на свой ликер. – На «Гибернии» мы боялись и слово вам поперек сказать. Вы знали себе цену.

Чарли медленно отложил свой голографовизор и прислушался.

– Я был жестким.

– Когда необходимо. Но с гардемаринном капитана Стангера вы были вежливым.

Я беспокоюсь заерзал, словно меня в чем-то обвиняли:

– Мы сами его спровоцировали на грубость, а он слишком молод, чтобы быстро во всем разобраться.

– Теперь он вас сильно уважает. – Он слабо улыбнулся. – Вы стали выдержанным, сэр. Легко творите добро.

– Ерунда все это. – Пока велся этот пустой разговор, я хмуро смотрел в иллюминатор.

– А те ребята, что приехали к вашей резиденции и стояли у стены... Как вы думаете, почему они это сделали?

– Они все с прибабахом.

– Вы дали им надежду. Возможность стать другими.

– Ха! Все эти комплименты в мой адрес – за то лишь, что я не поставил на место Спика?

– Конечно, нет. Эта ваша честность, отказ вешать на людей напраслину... Я бы хотел, чтобы мой Майкл рос таким. – Алекс вздохнул. – Однако с ним придется повозиться.

– Проблемы?

– Ему пятнадцать. Надо ли было мне брать его на «Мельбурн»? Я хотел, чтобы он жил нормальной жизнью. После моего последнего полета мы с Мойрой пришли к выводу, что дети должны оставаться дома. – В его глазах появилось уныние. – Но не думаю, что это что-то дало.

– Если тут что-то надо сделать, я...

– Это мои трудности. – Но при моих словах он просветлел. – Понимаете, сэр? Вы – Генсек, самый занятой человек на земле, и, не раздумывая, предлагаете помощь.

– Это только слова.

Ничего для его сына я сделать не мог, и сам прекрасно понимал это. Люди всегда произносят слишком много любезных фраз. И, не успев как следует подумать, я продолжил:

– Алекс, а почему ты не привезешь семью в Вашингтон? Поживи у нас немного. – («Что я делаю? Ему нужно время, чтобы побыть с ними одному, восстановить прежние отношения».)

– Можешь остановиться в коттедже, если тебе будет так удобнее.

Он расцвел.

– Я спрошу Мойру. – Потом, после паузы, добавил:

– Все эти годы я так ценил вашу дружбу. Вы не можете себе представить, как ценил. И все же я по-прежнему буду называть вас «сэр».

Я оторвался от созерцания пейзажей за окном. Медленно, словно по ее собственной воле, моя ладонь легла на его руку.

– Думаю, ты мог бы съездить домой к Мойре. Мы шли по дорожке, в тени башен ООН.

– После вашей встречи с епископом Сэйтором.

– У меня здесь есть Джеренс, Карлотти и Витрек и с ними целый боевой эскадрон. Глянь-ка на них! – За нами, впереди, по бокам человек двадцать пять секьюрити окружали нас плотным кольцом.

– Я могу остаться дома, сэр, – напрямик сказал Чарли. – Если вы хотите, чтобы я...

– Я был не прав, – произнес я предельно вежливо. Лицо Алекса превратилось в каменную маску:

– Хочу увидаться с вами после этой встречи.

Я кивнул, зная, какого результата он опасается. Несомненно, судилище будет коротким. И на этот раз у меня не останется иного выхода, как встретиться лицом к лицу с журналистами, которые собрались у входа в мой офис. Объявленное мне патриархами недоверие будет новостью номер один во всем мире. Подозреваю, что многие даже в моей супранационалистической партии будут рады. Слишком долго я там многим мешал, стоял на дороге у их амбиций.

Мы начали подниматься. Возможно, следует позволить врачам заняться моими коленями. Годы скоро возьмут свое. Терпеть эту боль дальше нет никакого смысла.

Я мрачно кивнул репортерам.

– Сэр? – Алекс приостановился и придержал массивные двери, чтобы дать мне пройти первым. Мы вошли в роскошно отделанный холл. – Вы можете потянуть время, я знаю.

Я остановился и прислонился спиной к мраморной колонне:

– Я не буду лавировать.

А если увижу старого Сэйтора в моем кресле, то выкину его. Силой, ежели понадобится. Я крепко сжал свою трость.

– Возможно еще стратегическое отступление, – настойчиво проговорил Алекс. – Скажите, что вы благожелательно рассмотрите... черт, вы лучше меня знаете, как это оформить. Скажите, что вы будете...

Трах-х-х-х!

Алекс отлетел к противоположной стене и уменьшился в размере, словно я посмотрел на него в перевернутый бинокль. Меня сильно ударило в грудь. Я ловил ртом воздух, но не мог сделать вдоха. Пол подо мной накренился. Я схватился рукой за светильник и рухнул на пол, покатился к стене. Головой ударился о панель. Свет вокруг погас.

Мрак кромешный.

Пора подниматься. У меня много работы по дому, и отец будет недоволен. Я принялся искать свои ботинки.

– Не пытайтесь двигаться, сэр! – прозвучал голос откуда-то издалека.

Мои руки зашарили по кровати, как будто я хотел встать. Бок пронзило болью. Я попытался подвигать ступнями. Ноги не слушались. Лоб был залит кровью.

– Не двигайтесь, господин Генеральный секретарь! Как Марк Тилниц мог оказаться в доме отца? Почему он весь в крови? Я вытер лоб.

– Где эта проклятая «скорая помощь»? Я прислушался. Уши у меня заложило.

– Садится во дворе, – отозвался Джеренс Бранстэд, весь встрепанный.

– Приведите себя в порядок, кадет! – Но мой крик был едва слышен.

– Отойдите, все вы! Освободите для него место! Карен, сколько человек погибло?

Я заморгал, стараясь поймать окружающее в фокус. Мои пальцы осторожно коснулись бока, и я увидел, что они покраснели.

- Пока четыре.
- Отправьте первым на «скорой» Генсека.
- Медицинский вертолет вмещает троих...
- Вы слышали? Боже, где носилки?
- Они знают, что делают. Успокойтесь, мистер Тилниц.
- Черт, полегче! Если бы я защитил его так, как полагал...
- Марк... – Я с трудом вздохнул. – Что случилось?
- Вы ранены, сэр. Бомба.

Я рассмеялся и тут же закашлялся соленой кровью. «И они это допустили? Болваны, которые ничего не соображают в своем деле».

Донесся звук приближающихся шагов.

– Колонна ослабила взрывную волну. Пожалуйста, сэр, не пытайтесь разговаривать.

– Почему нет? Может, это последняя возможность.

– Не говорите так! – В его голосе звучало отчаяние. – Вы, идите сюда! Это Генеральный секретарь!

Надо мной склонились незнакомые люди.

– Ранен в бок. В нем нет никаких посторонних предметов? Наложите жгут. Сэр, что вы здесь чувствуете?

– О господи! – крикнул я. – Боже, прости, но так больно!

– Подвигайте пальцами, если можете. Я попробовал.

– А теперь ступнями. Я сделал попытку.

– Еще раз. – Пауза. – Не поднимайте его. Протяните под ним носилки. Осторожно, дюйм за дюймом. Сэр, вы потеряли много крови. Мы поставим капельницу.

– Скажите Арлине, что я... – Кажется, неприятностей и так слишком много. Она все равно узнает. Я закрыл глаза, позволив поглотить меня бездонной темноте.

5

Все было как в тумане. Какие-то люди наклонялись надо мной и задавали совершенно неуместные вопросы. Я засыпал, просыпался. Арлина неизменно сидела рядом, держа меня за руку.

Острая боль. Я застонал. Мне сделали укол. Я заснул.

Меня откуда-то везли...

– Где я? – В горле было так сухо, что я едва мог говорить. Я облизал губы.

Медсестра в белом халате повернулась от голографовизора, который помогал ей не спать.

– В госпитале Боланда, сэр. – Она поднесла чашку так, чтобы я смог сделать глоток.

Никогда вода не казалась мне такой вкусной.

Я напряг память:

– Взорвалась бомба. – И вдруг меня охватила паника. – Марк Тилниц?

– Его пока нет. Поднимается на этаж. У нас у всех есть карточки с именами. – Она показала свою, приколотую к халату.

– Как долго я...

– Четыре дня.

– Есть на небе Господь. – Я попытался откинуть одеяло. Тут же что-то словно вонзилось мне в бок. – Меня ждет работа.

– Лежите спокойно, господин Генеральный секретарь. – Она что-то требовательно проговорила в мобильник.

– А где Бранстэд? Что с моим графиком встреч? – По одеялу змеились трубки. Некоторые были присоединены к моим венам. – Освободите меня.

– Подождите, сэр. Я позову врача.

Я попытался спустить одну ногу с кровати, но у меня ничего не получилось.

– Я привязан? Помогите мне встать. Дверь распахнулась.

– Он проснулся? Хорошо. Сэр, я – доктор Рэйнс. – Незнакомец был одет в белый халат, как и положено людям его профессии.

– Приветствую. Позвольте мне уйти отсюда.

– Лежите, мистер Сифорт. – Это был приказ, причем достаточно резкий, чтобы я приумолк. Мягко, но решительно доктор помог мне опуститься обратно на подушки. – Вы ранены.

– Насколько серьезно?

– Лоб у вас только рассечен, и контузия проходит. Слух почти полностью восстановился. Рана в боку закрыта кожезаменителем и зашита. Еще есть два сломанных ребра, но мы каждое утро сращиваем кости стимулятором роста.

– Так в чем же дело? – Мне надоело слушать его подробный рапорт.

Он откинул одеяла, обнажив мое тело и катетеры, прикрепленные к сосудам. Я вздрогнул.

– Господин Генеральный секретарь... – Его голос странно помягчел. – Подвигайте правой ногой.

– Что за чепуха...

У меня ничего не вышло. Я попробовал еще раз.

– А теперь левой.

Я даже застонал от напряжения. Он постучал по моей лодыжке.

– Чувствуете что-нибудь?

– Нет. – И вдруг меня прошиб пот.

– Имеет место... хм... травма спины. Мы сделали операцию, чтобы стабилизировать ваше состояние, соединить поврежденные спинные позвонки с-целью...

– Как долго будет идти лечение?

– Это неизлечимо, – произнес доктор Рэйнс. Меня начало рвать. Но ничего, кроме слюны, из меня не вышло: я не ел несколько дней. По спине пробежал холодок ужаса.

– Мистер Сифорт, надеяться можно. У нас есть процедуры, чтобы...

– Убирайтесь!

– Нейрохирургия – процесс долгий.

– Не хочу этого слышать. – Я заерзал что было сил, пытаясь освободить ноги.

– Мы поможем вам приспособиться...

Я сделал усилие, чтобы сесть, согнув колени. Но ног все равно не чувствовал. Начиная с бедер все онемело. Доктор Рэйнс схватил меня за руку:

– Так вы сделаете себе еще хуже.

– Дайте мне уйти!

– Сестра, двадцать кубиков алмонела, внутривенно.

– В чем дело? – Я отчаянно пытался освободиться.

– Это успокоительное.

– Нет! – Я ударил его по запястью. – Не усыпляйте меня!

Он схватил меня за предплечье и приготовился вонзить шприц.

– Марк! Марк, помоги!!

Дверь резко распахнулась. Вбежал мой начальник охраны с лазером наготове:

– Отойдите от него!

– Он нуждается в успокоительном.

– Бога ради, не позволяй им сделать это! – Я попытался вырваться.

– Отойдите! – Лицо Марка приняло смертельно опасное выражение. Лоб его покрылся сетью глубоких морщин. Тилниц опустил на колено, подняв лазер.

Доктор Рэйнс поспешно встал. В коридоре послышались шаги.

– Уберите это. – Тилниц захлопнул двери прямо перед испуганными лицами двух дежурных.

– Он нуждается...

– Ну!

Доктор Рэйнс медленно опустил шприц:

– Этот человек – мой пациент.

– Он собирался... – Я постарался говорить твердо. – Убери его отсюда!

– Вам не нужно успокоительное, сэр?

Через «не могу» я постарался сказать как можно спокойнее:

– Нет, мне нужно, чтобы меня оставили одного.

– Так и будет сделано, господин Генеральный секретарь. – Марк вместе с доктором Рэйном и медсестрой пошли к дверям. – Я буду снаружи.

Уже на выходе я окликнул его.

– Долго ты тут дежуришь?

– Четыре дня.

– Я так и думал.

– Когда ухожу в ванную, меня заменяют Карен и Томми. Охрана находится двумя этажами ниже и выше. Вы в безопасности.

– Благодарю тебя. – Голос у меня задрожал. – Поспи хоть немного. Скажи Алексу, он посидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.